

INSPIRIA

ШАНЕЛЬ КЛИТОН

Последний поезд на Ки-Уэст

INSPIRIA

Шанель Клитон

Последний поезд на Ки-Уэст

Серия «Novel. Семейный альбом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841676

Последний поезд на Ки-Уэст: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-171435-2

Аннотация

В 1935 году мощнейший ураган во Флорида-Кис навсегда изменил жизни трех женщин. «Последний поезд на Ки-Уэст» – хроника удивительных женских судеб, разноцветная, многогранная и всеобъемлющая.

На острове Ки-Уэст всегда светит солнце, но иногда рай для одного человека – тюрьма для другого. Так было и с Хелен Бернер, мечтающей покинуть родную землю.

Мирта Перес вышла замуж по расчету, и вскоре после свадьбы пара отправилась в романтическое путешествие. Под палящим солнцем Флорида-Кис чувства Мирты распустились, подобно цветку.

А Элизабет Престон приехала в Ки-Уэст, чтобы спасти свою некогда богатую семью от краха.

Жизнь идет независимо от того, беспокоимся мы о ней или нет. Она неспроста связывает судьбы, и именно в те дни,

предшествующие буре, Хелен, Мирта и Элизабет поняли, что у них гораздо больше общего, чем кажется.

«Эта история отправит вас в невероятное путешествие по судьбам трех женщин». – *Наташа Лестер*

«Идеальный шторм великолепного повествования». – *Кейт Куинн*

«Замечательные персонажи, захватывающие исторические декорации, поиски цели, убежища, любви и финал, который заставит вас ликовать». – *Сьюзен Мейснер*

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Шанель Клитон
Последний поезд
на Ки-Уэст

Моей семье, моим любимым...

Chanel Cleeton

THE LAST TRAIN TO KEY WEST

Copyright © 2020 by Chanel Cleeton

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Хелен.

Суббота, 31 августа 1935 года

Тысячу раз я представляла себе смерть мужа. Как правило, в этих грезах он гибнет в лодке: море волнуется, дует ветер, Том перевешивается через край, падает в воду, и его уносит сильным течением – голова мелькает в бирюзовом водовороте, лодка качается посреди океана, и вокруг нет ни души, и никто не придет на помощь.

Порой видение приходит ко мне, когда я занимаюсь домашними делами, скажем, развешиваю белье – белые простыни полощутся на ветру, и в воздухе пахнет щелоком, – или когда я жарю рыбу, которую Том ловит, выходя в море на «Хелен». С этим суденышком меня роднят два обстоятельства: имя и тот факт, что дни нашей славы давно миновали.

Бывает, эта греза приходит ко мне во сне, и, вздрогнув, я просыпаюсь, дышу тяжело и прерывисто, в унисон с храпящим рядом мужем, чья волосатая рука давит мне на поясницу, а смердящее джином дыхание обжигает шею.

Сегодня это сон, и, проснувшись, я не чувствую на себе тяжесть его руки: постель пуста, и только вмятина в матрасе на том месте, где лежал мой супруг.

Как я могла проспать?

Я быстро одеваюсь и бегу в ванную, надеясь за оставшее-

ся время привести себя в порядок настолько, насколько это возможно. Именно утренние часы – время до того, как Том уходит в море, а солнце показывает свой лик, – определяют для нас дальнейшее течение дня. Если Том доволен, погода хорошая, рыбы много, а я все делаю как положено, то день будет сносным. Если Том недоволен...

К горлу подкатывает тошнота. Пульсирующая боль в животе отдает в спину, и я вжимаюсь в стену спальни. Малыш пихается, я провожу рукой вниз, чтобы почувствовать, как он шевелится. Последние несколько дней ребенок ведет себя активнее, вертится и пинается – прокладывает себе путь на белый свет, ведь срок уже не за горами.

Тошнота отступает, я выпрямляюсь, и боль проходит так же быстро, как и пришла.

Я выхожу из спальни в большую комнату – она же кухня и гостиная, – где за столом, задвинутым в угол, сидит Том.

Когда девять лет назад после свадьбы Том впервые привел меня сюда, дом казался идеальным местом для начала совместной жизни и создания семьи. Я до блеска оттерла каждый его уголок, и, несмотря на то что мебель была нам не по карману, я бродила по пляжам в поисках любопытных вещей, брошенных на берегу лодочниками и контрабандистами, которые можно было бы использовать. Обеденный стол, над которым сейчас нависал Том, когда-то был ящиком, в котором, вероятно, во времена сухого закона перевозили контрабандный алкоголь.

Место, которое я когда-то прибирала с воодушевлением, окрыленная его возможностями, теперь выглядит как свидетельство краха, постигшего нас. Дом, с которым я связывала столько надежд, оказался еще одним обманутым ожиданием: в полу не хватает досок, снаружи облупилась краска, жилое пространство стало прибежищем всевозможных тварей и паразитов, которые забиваются во все щели, и единственным плюсом осталась близость к морю – до него метров пятнадцать, не больше.

Лодка Тома пришвартована в бухте неподалеку. Когда он в море, домик кажется уютным, надежно защищенным от внешнего мира зарослями мангровых деревьев. Когда он дома, это руки, смыкающиеся у меня на горле.

– Шторм идет, – раскатисто произносит Том, сидя ко мне спиной. Из-за ребенка моя походка стала тяжелее обычной и извещает о моем приближении прежде, чем я успеваю настроиться на контакт. Его стул стоит так, чтобы он мог обозревать с него океан за окном. Для рыбака погода – это все.

– На Багамах ливень, – добавляет он хриплым со сна голосом, в котором слышится та самая неопишуемая интонация, которая все росла с годами нашего брака. – В конце концов он сюда доберется.

В Томе меня привлекла эта его любовь к морю – капли воды на коже, привкус соли на губах при поцелуях украдкой, ветер в волосах и, когда он уходил на лодке, – ощущение приключения. Тогда я была моложе: мне было всего пят-

надцать, когда мы начали встречаться, шестнадцать – когда поженились, и меня привлекали, казалось, безобидные вещи – его большие ладони, мускулистые загорелые руки, широкие плечи, накачанные тасканием коробок и ящиков с сомнительным содержимым. Я думала, что с таким мужчиной буду в безопасности, но это оказалось еще одним обманутым ожиданием.

– Погода испортится? – спрашиваю я.

В нашем захолустье штормов хватает. Да, последнее время не случалось сильных гроз, но когда я была девочкой, по Ки-Уэст ударил страшный ураган. К счастью, обошлось без жертв, однако я до сих пор помню, как задувал ветер, а вода едва не поглотила дом моих родителей. Я была вне себя от ужаса.

– Да похоже, можно не беспокоиться, – отвечает Том. – Бюро погоды считает, как сказали по радио, что он пройдет мимо.

– Ты сегодня выходишь в море? – Я стараюсь говорить ровным голосом. Я уже уяснила, что настойчиво интересоваться тем, куда он пойдет и что будет делать, не стоит. В такие времена мужчина может решиться на что угодно, чтобы добыть пропитание.

Том утвердительно вздыхает.

Я прохожу к столешнице, стараясь ничего не задеть, но мое бедро врежется в плиту, и я спотыкаюсь о ящик со льдом на полу.

В тесном домишке и в тисках семейных уз приноравливаешься использовать физическое пространство в качестве своего рода защиты, обретаешь текучесть и пластичность, чтобы прогибаться под чужую волю. Но сейчас мое тело изменилось, живот раздулся, ноги стали неуклюжими, и мне пришлось заново осваивать искусство занимать как можно меньше места – для себя и ребенка. Когда вас двое, трудно действовать быстро.

Я ставлю перед Томом завтрак.

Он хватается меня за запястье, сжимая его так, чтобы я поморщилась, но не настолько сильно, чтобы упала на колени. Состояние дома – не единственный показатель характера наших взаимоотношений. У нашего брака есть и другие отметины.

– Зачем тебе знать, пойду ли я сегодня в море? – требовательно спрашивает он.

– Я... испугалась. Если погода плохая, это будет опасно.

Он сжимает сильнее, впиваясь ногтями мне в кожу.

– Хочешь сказать, я плохо знаю море? Да я рыбачил в этих водах еще мальчишкой.

Кровь пульсирует в запястье, кожу обжигает боль, колени подкашиваются под тяжестью живота и из-за стискивающих руку пальцев.

Я цепляюсь другой рукой за край стола, стараясь не упасть.

– Я знаю. Это из-за малыша. Срок подходит, я нервничаю.

Извини...

Боль нарастает, я уже не нахожу слов – бормочу что-то несвязное, лишь бы он отпустил меня – нас, – чтобы это не переросло во что-то другое, более ужасное, чем синяки на запястье.

– Женщины, – бормочет себе под нос Том и разжимает руку.

Запястье пульсирует, а он переключает внимание на еду, которую я ему приготовила.

Он впивается зубами в маисовую лепешку, и его ярость мгновенно улетучивается.

Он быстро ест, а я, как обычно по утрам, вожусь на кухне и погружаюсь в привычную, как заношенное платье, грезу, но внешние шумы нарушают ее – скрежет вилки по тарелке, звук отодвигаемого стула, тяжелые шаги до двери, и вот я снова остаюсь одна в маленьком домике, стоящем на сваях.

* * *

Тяжело ступая по песчаной земле, я иду от дома к ресторану, где работаю официанткой, проходя мимо очереди мужчин, ищущих себе хоть какую-то подработку. Мне повезло, что во времена Великой депрессии у меня есть место у Руби – возможностей для трудоустройства очень мало, особенно для женщин. Но Руби верности не занимать, она поддерживала меня и в хорошие, и в трудные времена.

Будучи «самым южным городом», Ки-Уэст – самый крайний пункт следования, где вы еще можете ступить на землю Соединенных Штатов до того, как ваши ступни коснутся воды. Такая особенность положения привлекает самую разношерстную публику: бродяг, преступников, тех, кому нужно затеряться в толпе, и тех, кому хочется обрести родственную душу, словно здесь, на краю земли, все возможно – по крайней мере, для большинства из нас. Когда-то добраться сюда можно было только на лодке, а сейчас над морем проложена железная дорога, связывающая островки архипелага Флорида-Кис с материком и Майами, общей протяженностью двести сорок километров, которые поезд преодолевает за несколько часов. Когда десятилетия назад Генри Флаглер, при жизни считавшийся одним из самых богатых людей в стране, заявил о своем амбициозном намерении, его подняли на смех. Но Флаглер упорствовал – строительство началось и обеспечило работой коренных кончи вроде моего отца, а также людей, приезжавших на архипелаг в поисках заработка, которые голыми руками укладывали рельсы Морской железной дороги.

«Эта дорога – одно из величайших человеческих творений, – говаривал мой отец. – Ты только представь, каково это – лететь над океаном в такой большой машине».

Мне не хватало воображения.

Что за люди мечтали возводить дороги над океаном? И что за люди по ним ездили?

Папа говорил, что в мире есть два типа людей: те, кто строит своими руками, и те, кто пользуется результатами их труда. Но потом случилась Великая депрессия и всех уравнила.

Когда-то давно, до моего рождения, Ки-Уэст был самым большим и богатым городом во Флориде. Но еще до того, как остальная страна почувствовала на себе последствия биржевого краха 1929 года, штат переживал кризис. Деньги и кредиты таяли, урожай цитрусовых был под угрозой. Сейчас люди остались без работы, в голоде и отчаянии, город оказался банкротом, воцарилась неразбериха, тысячи и тысячи отправляются на север в надежде на лучшую жизнь.

Федеральное правительство оказывает помощь. К примеру, для строительства нового шоссе, соединяющего острова Грасси-Ки и Лоуэр-Мэткемб, к нам направили солдат Первой мировой войны. Думается мне, все это, конечно, лучше, чем ничего, но все еще недостаточно.

На пересечении Трумбо-роуд и Кэролайн-стрит почти каждый день вот уже на протяжении последних девяти лет я прохожу мимо вокзала, за которым располагаются новые доки. «Паромная компания восточного побережья Флориды» совершает ежедневные рейсы до Гаваны на Кубе и обратно. Вагоны загружают на судно и вместе с пассажирами переправляют по морю. Несколько дней железнодорожного путешествия и несколько часов морского осуществляют мечту Флаглера о том, чтобы соединить Нью-Йорк с Гаваной.

Знакомая потрепанная вывеска попадает на глаза, когда я добираюсь до автостоянки возле ресторана Руби.

Близость к вокзалу и паромной пристани манит приезжих, а местных привлекает возможность поглазеть на прибывших и наесться по сходной цене. У Руби все почти идеально, и это видно сразу – обстановка простая, а порции большие. Это такое место, где с порога ясно, куда ты попал, – тут хорошо кормят, а атмосфера – дело десятое.

До середины дня поток посетителей не ослабевает, я перемещаюсь между столиками, спина все время ноет, ребенок давит на позвоночник. Когда выдается свободная минутка, я стою в служебном помещении, привалившись спиной к стене, чтобы уменьшить давление. От запахов из кухни меня мутит, но главная проблема на этом сроке – снизить нагрузку на ноги, остальное почти неважно.

Громко звякает колокольчик – входная дверь с треском открывается, хлипкой деревянной конструкции не под силу тягаться со здоровенным мужиком, который держится за ручку. Головы поворачиваются, шум заглушает звуки кухни и голоса посетителей. Здоровяк, слегка покраснев, протискивается в дверь и аккуратно притворяет ее за собой.

Я наперед знаю, чей столик он займет. Последние несколько месяцев он регулярно объявляется в ресторане, правда, сидит в углу и держится особняком. Мне известно только то, что его зовут Джон, но и это он сообщил с большой неохотой.

– А вот и твой любимый посетитель, – подмигивает мне

из кухни Руби, вытирая руки о фартук. Таких работодателей, как она и ее муж, еще поискать. Учитывая, какие сейчас трудные времена, они платят хорошо и имеют привычку присматривать за персоналом из кухни. Если посетитель ведет себя слишком развязно или буйно, Руби и Макс всегда готовы вмешаться. Общительной ее не назовешь, она предпочитает заниматься стряпней, а приветливость и услужливость оставлять официанткам, нам с Сэнди, однако за эти годы она стала мне больше чем просто начальником – пожалуй, ее можно назвать подругой.

– Должно быть, была получка – в эти выходные народ валом валит. Он, судя по виду, проголодался, – добавляет она.

– У него всегда голодный вид, – возражаю я, предпочитая не замечать веселых ноток в ее голосе и озорного блеска в глазах.

– А забавно, что он всегда ест здесь, – говорит, растягивая слова, Руби. – С чего бы это?

– Наверное, из-за лаймового пирога, – ровным тоном говорю я. – Все знают, что у тебя лучший лаймовый пирог в Ки-Уэст.

Лаймовый пирог популярен не только потому, что заведение Руби – лучшее в городе. Просто людям надо есть, и пирог – одно из самых дешевых блюд в меню.

– Не сомневаюсь, он здесь именно из-за лаймового пирога, – улыбается Руби.

Джон всегда ведет себя вежливо и немногословно, но по

его виду сразу становится ясно, что он много чего повидал на своем веку и война для него далеко не окончена. У меня нет причин нервничать в его присутствии – он всегда оставляет на чай больше многих и никогда не дает поводов для беспокойства, но чем-то он так напоминает Тома, что у меня невольно перехватывает дыхание, когда я нахожусь рядом с ним.

Когда я ставлю заказ ему на стол, мне кажется, что на его месте сидит другой человек – такой же огромный и сильный, способный причинить боль, и я постоянно жду, когда его мясистая лапа схватит меня за запястье, опрокинет тарелку с едой, потому что она недостаточно горячая, швырнет ее в меня, потому что ему надоело изо дня в день есть одно и то же, а я знать не знаю, как тяжело ему приходится, каково бывает там, в море, и не ценю пропитание, которое он добывает для меня, когда у многих почти ничего нет, когда люди голодают, и как я могу быть такой неблагодарной, такой...

И тут до меня доходит, что я не в маленьком домике среди мангровых зарослей, где таятся всевозможные опасности, а в ресторанчике у Руби, и я снова обретаю дыхание.

– Ты в порядке? – спрашивает Руби.

Я вздрагиваю.

– Да.

– Если ты доживаешь последние дни и тебе тяжело обслуживать, мы пойдем. Я могу больше помогать или, возможно, Макс подсобит.

Хорошо, что меня не уволили, когда живот стал заметен. Остаться без работы, особенно для женщины в моем положении, которую никто не наймет, — непозволительная роскошь.

— Все отлично, спасибо. Кроме того, что у нас нет денег.

Сейчас нам двоим едва хватает, и я как-то не подумала над тем, как мы будем выживать втроем. Но что толку беспокоиться? Сколько ни переживай, а жизнь идет своим чередом, и самонадеянно считать, что кому-нибудь есть дело до нашего мнения.

Я усталым шагом тащусь к столику пришедшего, по пути доливая кофе одному-двум клиентам, — по возможности оттягиваю встречу.

Снова подступает тошнота, и я пошатываюсь.

— Может, присядете?

Моему удивлению нет предела.

До сих пор, помимо имени, я слышала от Джона только детали заказа, точно Господь Бог выдал ему определенное количество слов на день и на момент посещения ресторана он уже потратил свою квоту.

Это крупный мужчина с толстой шеей, широкоплечий и очень-очень высокий. Тело выпирает из-под его поношенной белой рубашки и потрепанного комбинезона, столовые приборы в сравнении с большими руками кажутся крохотными, но его манеры за столом разительно контрастируют с грубоватой внешностью.

Для такого крупного мужчины у него на удивление мягкий голос и выговор четкий и чистый, как будто нездешний.

— Я в порядке, — отвечаю я, сразу отцепившись от стола. — Но спасибо.

Он снова краснеет и боком отодвигается от меня. Он появляется в ресторане по выходным, но я никогда не видела его в компании других бывших солдат, работающих на строительстве шоссе. Они неизменно приветствуют его кивком или приподнимают шляпу, но проходят мимо, точно он воздвиг вокруг себя барьер. Он — один из них, но в то же время не с ними.

В городе от фронтовиков, приезжающих на выходные, стараются держаться подальше, сетуя на их повальное пьянство и дебоширство. В дружных общинах островков Мэткемб и Уиндли-Ки, где населения меньше, а дни — и ночи — спокойнее, их вообще не жалуют. Жизнь сейчас тяжелая, а когда все идет из рук вон плохо, у людей из-за страха и неопределенности возникает скверная привычка смыкать ряды и подозрительно относиться к чужакам, даже себе во вред. Учитывая, что городу нужны железная дорога и шоссе, чтобы привлечь туристов, местные могли бы быть капельку приветливее с людьми, которые для них работают... Впрочем, я уже перестала ломать себе голову над тем, почему некоторые поступают так или иначе.

Люди — загадочные существа, и стоит подумать, что ты их разгадала, как они подбрасывают тебе сюрприз.

– Сколько еще? – спрашивает Джон, выпрямляясь на стуле и упираясь взглядом в мой живот, выпирающий из-под линялого фартука. У него темно-карие глаза, чуть темнее каштановых волос, обрамленные длинными ресницами, которым позавидовали бы многие женщины.

Вопрос задан настолько прямолинейно, что я краснею.

Нравится тебе это или нет, но беременность выставляет всем напоказ самые интимные стороны жизни.

– Несколько недель, – отвечаю я.

Малыш снова пинается.

Джон слегка прищуривается, словно что-то мысленно прикидывает.

– Вам не следует так много быть на ногах.

Переживать из-за того, что «не следует», мне недосуг. Руби ко мне хорошо относится, но это ее бизнес, и бывали времена, когда Том слишком сильно прикладывался к бутылке и не мог выйти в море или пропивал всю получку, и тогда эта работа спасала нас от голода.

– Вы готовы сделать заказ? – спрашиваю я, пропуская его замечание мимо ушей.

– Яичницу с беконом, – отвечает он после паузы. – И черный кофе, пожалуйста.

Он всегда заказывает одно и то же.

– Будет готово через несколько минут, – говорю я.

Я наклоняюсь, чтобы смахнуть со стола крошку, оставленную предыдущим посетителем, – рукав задирается, обнару-

живая на коже темно-багровые кровоподтеки.

А точнее – пять синюшных отметин от пальцев.

Щеки обдает жаром, я опускаю рукав.

– Что случилось? – тихим голосом спрашивает он.

– Ничего, – вру я.

Он точно не из местных, потому что в Ки-Уэст, похоже, всем известно, что Том Бернер грубо обращается с женой, когда напивается, – и когда бывает трезв как стеклышко, тоже.

– Вам еще что-нибудь нужно? – Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, и «надеваю» на лицо вежливую улыбку.

Мне не нужны его советы или сочувствие – толку-то в благонамеренных словах, от которых больше вреда, чем пользы. Муж в семье – голова, по крайней мере, так меня учили. Я – жена Тома, его собственность, и он вправе делать со мной что хочет.

И ребенок будет его – нравится мне это или нет.

В ответ на мой вопрос Джон качает головой, дескать, ему больше ничего не нужно, и снова превращается в уже привычного молчаливого чужака.

Опять брякает дверной колокольчик, и с появлением новых посетителей в помещении становится гораздо тише обычного.

Женщина, по здешним меркам, выглядит очень элегантно: ее платье наверняка из Парижа или другого шикарного города. Она прекрасна недостижимой красотой, как буд-

то сошла со страниц «Синематографа» или иного голливудского журнала – у нее иссиня-черные волосы, ярко-красные губы и безупречная кожа. Темноволосый мужчина рядом с ней заходит так, будто он – хозяин этого места, она же словно скользит по воде, плывет по течению жизни.

Прибыли на поезде, как пить дать. Никогда в жизни не видела такого платья, как у нее.

Они садятся за свободный столик на моей половине, и я направляюсь в их сторону, но перед этим меня опять накрывает дневная греза, и я представляю себе Тома на лодке в море – ветер свищет, волны становятся выше, надвигается шторм, сверкает молния, грохочет гром, и небеса содрогаются в праведном гневе.

Я на мгновение закрываю глаза и произношу молитву, которая звучит у меня в голове большую часть моего девятилетнего брака.

Я молю море прибрать моего супруга, чтобы он больше не вернулся ко мне.

Глава 2

Мирта

– С молоком?

Я поднимаю глаза на светловолосую официантку, пытаюсь сформулировать ответ на ее вопрос.

Что ты за жена, если не знаешь, какой кофе пьет муж?

Стоило нам с Энтони войти в кафе «У Руби», как на нас устремились все взгляды. Для такого простого места мое платье выглядит слишком шикарным, драгоценности – чересчур кричащими, а кожа – темнее, чем у прочих посетителей.

Никогда в жизни не чувствовала себя настолько не в своей тарелке.

– Не уверена, – с запинкой отвечаю я на чужом мне языке.

Живот крутит от завтрака, съеденного много часов назад на пароме из Гаваны в Ки-Уэст, во рту металлический вкус. Всю дорогу я боялась проиграть битву с морской болезнью и облевать яйцами и фруктами роскошные черные кожаные туфли Энтони. Я почти не спала и изводила себя переживаниями о том, когда новоиспеченный муж решит предъявить свои супружеские права. Но, как оказалось, причин для опасений у меня не было – как именно Энтони провел ночь, мне неизвестно, но в любом случае – не в моей постели.

Услышав мой ответ, официантка приподнимает бровь,

молочник зависает в воздухе. При виде кольца на моем безымянном пальце ее глаза округляются – несколько недель назад, когда Энтони подарил мне этот бриллиант, моя реакция была примерно такой же.

– С молоком, пожалуйста, – наугад решаю я, потому что Энтони отошел сделать звонок.

Официантка наклоняется, чтобы налить молоко в чашку, прядь ее почти белых волос выбивается из пучка на макушке. Она беременна, живот напористо выпирает из ее маленького тела, а значит, ребенок уже на подходе, и кофейник кажется слишком тяжелым для ее тонких запястий. Кожа на руках красноватая, обветренная и местами облезает.

На вид она примерно моего возраста – пожалуй, ей немногим за двадцать или чуть больше. Для такой молодой женщины у нее слишком печальные глаза и сгорбленные плечи.

И тем не менее она довольно миловидная.

Она напоминает мне акварель, которая когда-то висела в доме моих родителей в Гаване – приглушенные выцветшие краски придавали ей особое очарование, создавали призрачное ощущение красоты. Но в ее движениях чувствуется нервозность, конечности болезненно подрагивают, и это никак не согласуется с безмятежным выражением лица.

Я запоздало соображаю повернуть кольцо внутрь с глаз долой, испытывая укол совести из-за показушности камня и одежды, которую купил *он*. Повернись судьба иначе, возможно, на месте этой женщины была бы я – в поношенной,

треснувшей по швам одежде, с усталым, отчаявшимся взглядом?

– Мы только поженились, – поясняю я свою оплошность с молоком, хотя это мало что объясняет. Даже у новобрачных бывает предыстория, общие склонности и взаимопонимание.

Официантка открывает рот, точно намереваясь что-то сказать, и тотчас закрывает его, переключая внимание на Энтони, который широким шагом переступает порог, – статное воплощение уверенности в себе и физической силы.

Он красивый мужчина, мой новоиспеченный муж, притягательный, как бриллиант у меня на пальце, – женщины таких обожают, а мужчины собираются вокруг них в прокуренных клубах, где между бокалами рома совершаются сомнительные сделки и даются рискованные советы по акциям, сколь ни редко это случается в наши дни. Появление Энтони в ресторане сопровождается многочисленными любопытными взглядами – его элегантный костюм здесь так же неуместен, как и мое платье.

Он красивый мужчина и – что самое важное, по крайней мере для моих родителей, – богатый и со связями, хотя слухи об источниках накопленного им состояния сильно разнятся – от неприличных до откровенно криминальных. За деньги он купил себе жену, чья семья оказалась в тяжелом положении. Я так и не узнала суть их договора с отцом – золото, недвижимость или иная стоимостная оценка единственной

дочери, – но мое мнение вряд ли имело значение.

– Ты заказала ланч? – спрашивает Энтони.

Язык – это еще один разделяющий нас барьер. Мне удобнее всего общаться по-испански, он предпочитает итальянский, и поэтому нам приходится изъясняться на английском – единственном языке, который мы оба знаем.

Как же мы будем жить при таком количестве разногласий?

– Еще нет. Я побоялась ошибиться с выбором. Вот твой кофе.

Я указываю на чашку, ожидая его реакции. Я так мало знаю о нем – о его предпочтениях, характере, темпераменте.

Официантка удаляется, стараясь не уронить поднос.

– Я звонил приятелю, – говорит Энтони. – Мы проедем по шоссе и сядем на паром, который доставит нас напрямую в Айламораду. Там уже все готово к нашему приезду.

Я снова верчу кольцо на пальце – оно непривычно тяжелое, острые закрепки, удерживающие бриллиант, периодически вонзаются в кожу. Какому мужчине придет в голову в наше время покупать жене подобные украшения?

Энтони морщит темные брови, впиваясь взглядом в мою руку.

– Великовато?

– Прости, ты о чем?

– О кольце.

Я прекращаю его крутить.

– Оно тебе великовато, – поясняет он. – Когда будем

в Нью-Йорке, можем зайти к моему ювелиру и подогнуть по размеру.

Нью-Йорк – конечный пункт нашего путешествия по железной дороге восточного побережья Флориды, но до этого мы на неделю остановимся в доме мужчины приятеля в деревушке Айламорада. Я никогда не бывала в Нью-Йорке, никого там не знаю, но ему суждено стать моим домом, местом, где я рожу детей и проведу остаток своих дней. Сколько бы раз я ни говорила себе, что это моя судьба, я не могу свыкнуться с мыслью о том, как внезапно и бесповоротно изменилась моя жизнь. Я не могу представить себе, что с нами будет дальше и как я научусь быть женой этого мужчины.

Будут ли мои родные навещать нас? Родители? Брат? Поедем ли мы с мужем когда-нибудь на Кубу? Впервые он приехал на остров по делам после революции 1933 года, но ни словом не обмолвился о своих долгосрочных планах и намерении туда вернуться.

Окажусь ли я снова дома?

– Кольцо замечательное. Прекрасное. Кажется, я толком не поблагодарила тебя за него, – добавляю я, вспоминая слова мамы о том, что если мы найдем точки соприкосновения и я ему понравлюсь, то все будет легче.

Сильные мужчины – люди дела, Мирта. Им не надо документать домашними проблемами, пустяками и перепадами настроения. Твоя задача – сделать мужа счастливым, облегчить его бремя, чтобы он смог тобой гордиться.

Так она говорила, застегивая на мне белое кружевное платье – оно держалось на булавках, которые слегка покалывали, – а потом сунула мне в руки букетик цвета слоновой кости. Это были поспешные напутствия перед поспешной свадьбой. О первой брачной ночи не было сказано ни слова.

– Когда я его увидел, то сразу понял, что оно для тебя, – говорит Энтони, и я давя в себе желание скривить лицо.

Сама я едва ли выбрала бы подобное украшение. Оно слишком большое, слишком безвкусное – во всех смыслах «слишком». В наши дни, при нынешней политической обстановке на Кубе, мы научились выживать, не привлекая к себе внимания. Вряд ли я могу винить его в подобной оплошности, но все же она отправляется в кучу мелких досад, которыми постепенно обростает мой брак.

– Мне нравится этот ресторанчик, – вдруг говорю я, лишь бы увести разговор от темы кольца.

– В самом деле? – Он обводит взглядом переполненный зал. – А я переживал, что он тебе покажется слишком простеньким. Ты же привыкла в Гаване к шикарным заведениям. Но я подумал, так будет легче, раз он находится близко к парому. Ты же почти не ела в дороге.

– Да, обычно я не бываю в подобных местах, – соглашаюсь я, хотя новизна – это именно то, что привлекает меня в этом месте.

Когда отец поддерживал президента Мачадо, наше положение было надежным, мы принадлежали к сливкам гаван-

ского общества.

Два года назад все изменилось.

Куба устала от диктатуры Мачадо, экономические трудности, подогреваемые кризисом в Соединенных Штатах, и политическое движение, во главе которого стояли студенты университета, способствовали обострению напряженности и беспорядкам внутри страны. Проблемы нарастали, американцы осуществили дипломатическое вмешательство, и в конце концов Мачадо был смещен и в ходе восстания сержантов вынужденно бежал из страны. После военного переворота на его сторонников началась охота, вся Куба была усеяна их телами – они висели на фонарях, валялись на обочинах дорог, их сжигали на городских площадях.

Милостью Божьей или по прихоти судьбы отец не пострадал, но совершил ошибку, поддержав не того кандидата в президенты, и теперь на Кубе дергает за ниточки произведенный в полковники Фульхенсио Батиста, перед которым мы должны заискивать.

Моему старшему брату Эмилио вменили в обязанность курировать наш сахарный бизнес, наладить контакты с новым режимом и подлизаться к Батисте. Из-за тесных взаимоотношений с Мачадо отец оказался в немилости, но уцелел – в отличие от многих своих друзей, которые расстались с жизнью, – так что теперь во главе семьи стоит Эмилио.

– Когда-то мы вращались в обществе, – говорю я, тщательно подбирая слова. – Но в последнее время мы в основном

сидим дома. Мы дружили с семьями, которые, подобно моему отцу, лишились должностей после революции 1933 года, когда к власти пришел Батиста.

Последние два года мы с Энтони жили на одном острове, находясь при этом практически в разных странах. Он прибыл на Кубу по делам игрового и отельного бизнеса благодаря новым связям, которые установил Батиста с американцами, однако все равно оставался чужаком, не ведающим об ужасе, в котором существовали мы.

– Мне было интересно знать, как ты проводишь время, – говорит он. – Я встречал тебя в Гаване, но ты всегда куда-то шла или откуда-то возвращалась. Я никогда не видел цель твоей прогулки.

– Уверяю тебя, мои прогулки были гораздо менее занимательные, чем твои, – краснею я.

– Возможно, – он улыбается. – Мне и в голову не приходило, что дамы могут посещать ночные клубы и казино.

– Никогда не угадаешь, куда возникнет желание пойти, когда так много дверей перед тобой закрыты.

В его взгляде мелькает что-то похожее на понимание.

Хотя в этом мире мужчинам живется гораздо легче, чем женщинам, в одном у нас просматривается связь, пусть и непрочная, – между деньгами заработанными и полученными по праву рождения существует разница, и мой супруг, чье состояние, по всей вероятности, сколочено несправедливым путем, несомненно, кое-что знает о закрытых дверях.

Тем не менее его пути с моим отцом каким-то образом пересеклись, и это послужило причиной засесть за карты и дало Энтони основания попросить моей руки. У меня так много вопросов, которые не дают мне покоя, но голос матери снова звучит в ушах, поэтому я умеряю жгучее любопытство и завожу светскую беседу.

– У тебя большой бизнес на архипелаге? – спрашиваю я.

– Сейчас уже не такой большой, как раньше. Благодаря парому и железной дороге регион очень выиграл. Скоро Ки-Уэст станет основным торговым маршрутом – близость к прочим американским штатам, Латинской Америке и Кубе открывает сказочные перспективы для бизнеса.

Если верить слухам о сфере деловых интересов моего мужа, похоже, у него нюх на возможности делать деньги. Поговаривают, что до того, как федеральное правительство два года назад отменило сухой закон, Энтони был бутлегером и промышлял контрабандой алкоголя с Кубы.

Говорят, что он, подобно многим американцам, которые укрепляют свои позиции в Гаване, дружен с Батистой, и, должно быть, это обстоятельство в значительной степени повлияло на решение отца поженить нас. В наше время породниться с человеком, к которому прислушивается самая влиятельная персона на Кубе, – это большая удача.

– Ты много путешествуешь по делам? – вопрошаю я, принимая очередную попытку предугадать наше будущее. Насколько мне известно, большинство мужчин хлебом не

корми, только дай поговорить о себе, но мой супруг явно не горит желанием распространяться о своей жизни.

Такая продолжительная беседа у нас с ним, пожалуй, впервые.

– Иногда.

Я ожидаю продолжения.

Когда становится ясно, что его не последует, я предпринимаю новую попытку:

– Тебе нравится путешествовать?

На мгновение может показаться, что мой вопрос приводит его в замешательство.

– С годами область моих интересов расширилась, важно держать все под контролем. Можно нанять хороших работников, чтобы они трудились за тебя, но надо поддерживать личный интерес, напоминать им о том, что стоит на кону.

– А что насчет твоих интересов на Кубе? Ты намерен туда вернуться?

– Разумеется, там у меня тоже есть бизнес – отель и казино. Ты соскучишься и захочешь увидеться с семьей.

Нет смысла формулировать это в виде вопроса; ему отлично известно, как много для меня означает семья и на что я готова пойти ради них. Отец захотел, чтобы я вышла за Энтони, и я подчинилась, потому что мне с детства была привита необходимость беспрекословно исполнять желания родных.

Я завидую праву мужчин выбирать себе спутниц жизни. Они прицениваются к нам, точно к фруктам на рынке, а мы

лишены права голоса.

Энтони рассказывает о доме, в котором мы проведем медовый месяц, а я наблюдаю за тем, как шевелятся его полные губы, и ничего не слышу, только киваю с понимающим видом, делая вид, будто бы я здесь, хотя на самом деле я далеко в море, тону, вскидываю руки, прошу проплывающих мимо людей прийти мне на помощь.

– Так годится? – спрашивает Энтони, и я, точно марионетка, дергаю головой.

Как мне выжить в этом странном браке?

Глава 3

Элизабет

– Зовите меня Элиза, – мурчу я. – Так меня называют все близкие друзья.

Это не совсем правда – для всех я Элизабет, а чаще всего, когда мама раздражена, а для нее это обычное состояние, – Элизабет Энн Престон. Впрочем, здесь, в поезде, следующем по железной дороге восточного побережья Флориды, это вряд ли имеет значение, и я могу быть Элизой, если мне так хочется. И трюк сработал, как я на то и рассчитывала. Студентик, сидящий напротив, пунцовеет, когда я откидываюсь на спинку кресла, – его взгляд моментально переключается с моего лица на бледный изгиб моей ноги, и тут я снова скрещиваю лодыжки.

Кто сказал, что поездка в Ки-Уэст – страшная скука?

С тех пор как на Пенсильванском вокзале я села в поезд, которому предстояло проехать почти две тысячи километров, за окном по большей части мелькали унылые безымянные городки и ничем не примечательные виды. Наконец пейзаж изменился. Коричневое и серое стало бирюзовым и сапфировым, и дорога мистера Флаглера начала оправдывать свою хваленую репутацию. Когда-то Флаглер с моим дедом были друзьями – ну, если точнее, добрыми знакомыми. Как бы ни мечтала моя матушка о другом, но таких денег, как

у «Стандарт ойл», у нас даже в лучшие дни не было. Фамилия Престон, пожалуй, кое-что значит в этой стране, но если ты – седьмая вода на киселе, тогда участие в семейных сборищах, которые случаются раз в несколько лет – свадьбах и похоронах, – это максимум, на что можно рассчитывать.

Мы со Студентиком играем в эту игру по меньшей мере пять штатов. Он учится в каком-то мудреном университете в Коннектикуте и едет домой на каникулы, а мне, прямо скажем, очень не по себе при мысли, что путешествие вот-вот закончится.

Мы начали флиртовать, когда поезд отошел от вокзала в Нью-Йорке, – при виде его широких плеч и элегантного костюма мысль о долгой дороге уже не казалась настолько устрашающей. Мы обменялись любезностями, вступив в известную игру – нашли общих знакомых, его приятелей по колледжу, которых я знала тысячу лет. В вагоне, вопреки ожиданиям, многолюдно, вероятно из-за того, что это выходные перед Днем труда и железнодорожная компания объявила о заманчивой скидке, но нас как магнитом потянуло друг к другу – не успел поезд тронуться, а мы уже вместе курили и потягивали виски из фляжки.

В Ки-Ларго я позволила его взгляду проникнуть чуть глубже в вырез моего платья – оно уже несколько сезонов как вышло из моды, и такого старья в моем шкафу полным-полно.

Кто-нибудь скажет, что мне не следует привлекать к себе

внимание, но меня чужое мнение всегда волновало мало, и в этом, пожалуй, одна из моих проблем. На мне красное платье в тон волосам и помаде, и этот цвет приковывает взгляды всех мужчин в вагоне – кроме одного.

Мужчины в сером костюме.

Я заметила его, когда он сел на поезд в Майами и без лишней суеты занял сиденье напротив меня. Я продолжила наблюдать за ним, потому что он упорно *не* замечал меня на протяжении нескольких часов, пока я строила предположения относительно того, кем он может быть.

В отличие от прочих пассажиров, которые по мере приближения к Ки-Уэст принялись глазеть в окна, восторгаясь видами величественного Атлантического океана с одной стороны и равно ошеломляющего Мексиканского залива – с другой, он оставался полностью погруженным в чтение, точно окружающие красоты его ничуть не интересуют.

– Вы видели? – спрашивает взволнованный Студентик. – Там внизу рыбы!

У мужчины в сером костюме кривится уголок рта.

– Мило, – с растяжкой говорю я, не устаивая вниманием косяк рыбешек, проплывающий в каких-нибудь пяти метрах под нами, и продолжая смотреть на мужчину, сидящего напротив. С тех пор как он сел в поезд, эта полуулыбка – первое подобие человеческого чувства, которое мне удалось увидеть на его лице. И тем не менее...

Он не поднимает взгляда от газеты.

Что там такого интересного в этих старых пыльных страницах?

– Пойду проверю, может, в тамбуре обзор лучше, – объявляет Студентик.

Я отпускаю его небрежным взмахом руки, он – легкая добыча. Теперь мое внимание полностью приковано к мужчине в сером костюме, искушение слишком велико, чтобы его игнорировать. Путешествие почти подошло к концу. Он должен поднять глаза.

Я наклоняюсь и легко толкаю книгу, лежащую у меня на коленях – я и не думаю скрывать свои намерения.

Книга со стуком падает на пол.

Какой-то звук, очень похожий на вздох, слышится со стороны мужчины в сером костюме.

Я жду.

Он шевелится и, распрямляя крупное тело, наклоняется, чтобы поднять оброненную мной книгу. Я перемещаюсь на сиденье и подаюсь вперед точно в тот момент, когда он начинает выпрямляться, – я отлично знаю, что сейчас впечатляющее декольте моего плотно облегающего платья окажется прямо на линии его взгляда.

Он издает звук – нечто среднее между резким вдохом и бормотаньем, и я усмехаюсь.

Серый Костюм молча протягивает мне роман Патриции Вентворт.

У него глаза красивого темно-карего цвета и коротко под-

стриженные светлые волосы, местами каштановые и, пожалуй, чуть стального оттенка. Ему, должно быть, не меньше тридцати. Красавцем его не назовешь, но у него военная выправка и ровная квадратная челюсть.

– Я ждала, когда вы меня заметите, – с придыханием говорю я, хлопая ресницами и пытаюсь придать щекам соответствующий румянец – увы, теряю навыки. Эта Депрессия катком проехала по моей светской жизни, и сноровка у меня уже не та, как в ту пору, когда мужчины роились вокруг и угождали мне во всем.

Серый Костюм не отвечает, но слегка выпрямляется на сиденье и упирается в меня взглядом.

– Вы меня не заметили? – спрашиваю я.

У него дергаются губы.

– Конечно, заметил.

Еще один взмах ресниц.

– И что именно вы заметили?

– Что от вас могут быть неприятности, – фыркает он.

Я жду продолжения. По опыту знаю, что большинство мужчин не против неприятностей, что бы они там ни говорили. В этом вопросе я, если можно так выразиться, профессор.

Он не отвечает, и тогда я наклоняюсь ближе, обдавая его ароматом своих французских духов – последними их каплями, которые я разбавила водой, чтобы они еще чуть-чуть продержались.

– И как вы относитесь к неприятностям?

– У меня нет для них времени, – усмехается он. – Тем более – для несовершеннолетних.

– Мне двадцать три.

– И я о том же.

– А вам сколько лет? – вопрошаю я.

– Гораздо больше двадцати трех. У меня нет времени на избалованных девиц, в которых праздности больше, чем здравого смысла, – он указывает на газету. – В мире и так неприятностей хватает. Зачем искать лишние?

Меня не так-то легко осадить, иначе я не ехала бы на этом поезде, и мне еще не встречался мужчина, способный устоять перед парой чудных ножек и глубоким вырезом платья. Как известно, времена нынче тяжелые, а в тяжелые времена все происходит быстрее и бесшабашнее – по крайней мере, у людей нашего круга. Когда все пошло прахом, невольно приходишь к мысли, что следовать правилам и играть честно – бесперспективная тактика.

Мое сердцебиение учащается – я снова подаюсь вперед, так что еще чуть-чуть – и соскользну с сиденья, и мои губы оказываются почти возле его уха. От запаха мужского мыла и мужской кожи у меня бегут мурашки по телу.

– А вдруг вам понравится, – поддразниваю я.

От этих слов Серый Костюм не вздрагивает и не отодвигается в беспокойстве. Он не теряет выдержки, единственное, что его выдает, – это легкое подергивание челюсти.

Поначалу это была просто игра – я играю в нее с тех пор, как у меня обозначилась грудь и раздались бедра, и Серый Костюм действительно не ошибся: чего-чего, а времени у меня сейчас навалом. Но между тем моментом, когда я начала заигрывать с ним, и мгновением, когда мои губы оказались возле его теплой загорелой кожи, игра изменилась.

Мне захотелось его поцеловать.

Я резко отодвинулась.

Он смотрит не на меня, скорее – сквозь меня.

– Это вряд ли, – отвечает он, и выговор у него такой, что толком не понять, откуда он.

Я открываю рот, чтобы возразить, но не нахожу слов – бравада, за которую я так долго цеплялась, куда-то испаряется.

Меня душат эмоции, щеки заливают краска стыда – я поднимаюсь на нетвердых ногах и пересаживаюсь на другое место, подальше от Студентика и всех остальных, и начинаю смотреть на воду, текущую под рельсами.

Когда-то мой отец владел акциями этой железной дороги – в то время я была еще девочкой и жила сладкой жизнью. Это было до краха. До того, как мы лишились всего. До того, как он совершил самоубийство.

Я достаю из сумочки письмо – потрепанный конверт, помятая бумага – и перечитываю его, цепляясь за слабую ниточку надежды, которая позвала меня в Ки-Уэст.

Мерное покачивание поезда убаюкивает меня.

Четыре часа спустя мы прибываем на главный вокзал Ки-Уэст, и я просыпаюсь от шума собирающихся пассажиров. Я укрыта пледом – кто-то позаботился обо мне.

Серого Костюма нигде не видно. Путешествие окончено, я на месте, и сил на флирт у меня нет.

Я выхожу из вагона, сжимая в руке саквояж. Воздух здесь невыносимо влажный, в двух шагах вода, кругом пальмы – здесь все совсем не так, как в Нью-Йорке.

В шуме и суматохе города, в безликом людском потоке, заполняющем улицы, в окружающих зданиях, похожих на фаланги пальцев, есть что-то успокаивающее. У города есть границы, улицы образуют карту, по которой ты следуешь, переставляя ноги и двигаясь вперед.

Я всегда держалась дальше от района, прилегающего к Уолл-стрит, куда мы с мамой ходили в контору к отцу. Но то было в другой жизни.

Я снова достаю из сумочки письмо, провожу пальцами по почтовому штемпелю Ки-Уэст.

В животе урчит – маму покорило бы от этого звука. Неподалеку находится закусочная – издававшая виды белая вывеска с выцветшими буквами извещает о названии: *Кафе «У Руби»*.

А внизу помельче многообещающая приписка:

Лучший лаймовый пирог в городе.

Я убираю письмо в сумочку, открываю кошелек и быстро пересчитываю деньги. Сердце сжимается.

Когда я кладу свои скудные капиталы назад в кошелек, пальцы натыкаются на что-то металлическое, – платиновые зубцы помолвочного кольца впиваются в кожу с такой силой, что выступает кровь.

Я делаю глубокий вдох и двигаюсь в направлении кафе «У Руби».

Глава 4

Хелен

В выходные перед Днем труда у нас оживленнее, чем обычно, – нескончаемым потоком тянутся местные, туристы и военные, гуляющие на широкую ногу, отвлекая меня от недомоганий, связанных с беременностью.

В бестолковый промежуток между обедом и ужином толпа посетителей редет – я вперевалку выхожу наружу и сажусь на одну из деревянных скамеек перед рестораном.

Неподалеку припаркован сияющий автомобиль. Возле него стоит молодая женщина, которую я недавно обслуживала, ее мужа нигде не видно.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Колесо спустилось, – отвечает она с легким акцентом, который мне знаком от кубинцев, часто навещающих в Ки-Уэст – здесь очень близко, и между островами ходит паром. – Муж пошел искать механика.

Лично я никогда не бывала на Кубе. Когда мы только поженились, Том постоянно твердил, что мы съездим. Сам он часто оказывался на острове по промысловому делу, порой пропадал неделями, а по возвращении от него пахло ромом, сигарами и немножко женскими духами. В конце концов обещания сошли на нет, и я совсем отказалась от этой идеи, когда поняла, что мне, пожалуй, лучше не знать, как

он там проводит время.

Переднее правое колесо элегантного автомобиля действительно спущено из-за заметной пробоины.

– Вы что, в аварию попали? Тут сильный порез.

– Нет.

– Выходит, колесо спустилось, пока вы были в закуской?

– Возможно. Мы точно не знаем, но ничего такого не замечали, пока не собрались уезжать. Когда автомобиль сгружали с парома, этого точно не было.

– Неласково вас встретили, мне жаль. Честно говоря, тут не лучший район. Полным-полно дебоширов, наклюкавшихся в барах на Дювал-стрит. Такой автомобиль привлекает внимание, – я указываю на закускую у себя за спиной. – Если хотите, можете подождать внутри. Не стоит кормить москитов.

– Спасибо, но мне и тут отлично. Хочу побыть на свежем воздухе после целого дня на пароме.

– Вы останетесь в Ки-Уэст?

Многие здесь лишь проездом, и я обожаю узнавать, куда они направляются. Иногда я ищу эти места на карте в публичной библиотеке и представляю, как поехала бы туда сама. Так я уже объехала весь мир. Если место на карте западает мне в память, я прошу у библиотекаря книгу о нем. Когда Тома нет дома, я читаю часы напролет и чувствую себя невероятно счастливой. Когда он дома, книги лежат в тайнике.

Том говорит, что женщине вредно читать слишком много, а точнее, вообще вредно читать.

– Мы направляемся в Айламораду, – отвечает она. – У нас медовый месяц. А потом в Нью-Йорк.

Айламорада как-то не вяжется с образом такой шикарной дамы – впрочем, если они в свой медовый месяц ищут уединения, тогда это правильный выбор.

Она переводит взгляд на мой живот.

– Сколько еще?

– Пару недель. У меня это первый, – добавляю я, предугадывая возможный вопрос о других детях. Подобная невинная беседа может затронуть очень болезную тему.

Ее взгляд останавливается на простом оловянном колечке на моем безымянном пальце.

– Должно быть, вы с мужем очень счастливы.

Я кладу руку себе на живот.

– Мне всегда хотелось стать мамой, – просто говорю я.

Эта перемена в жизни меня страшит, и будущее сулит неопределенность, но любовь к моему малышу – это единственное, в чем я не сомневаюсь. Я не рассказываю ей о предыдущих выкидышах, случившихся то ли из-за кулаков Тома, то ли по вине моего собственного тела, о том, как отчаянно я молилась об этом младенце, пусть даже с моей стороны это было сущим эгоизмом, учитывая, какую жизнь я могу предложить своему ребенку.

Услышав мой ответ, она морщит лоб, и в ее лице просту-

пает что-то...

– Вы в порядке? – снова спрашиваю я.

Ее глаза наполняются слезами.

– Кажется, это от нервов. Со всеми новобрачными так бывает?

– Не знаю, – честно говорю я, удивленная ее откровенностью, ее манерой держаться, которая совсем не согласуется с ее безупречной внешностью.

Когда я в шестнадцать лет выходила за Тома, я с радостью неслась к алтарю, и вот где в итоге оказалась.

– А ваш муж, он хороший человек? – спрашиваю я. – Добрый?

В ресторане он показался мне довольно вежливым – обычно люди, общаясь с теми, кто их обслуживает, показывают свое истинное лицо, и мне, конечно, попадались экземпляры поглубже, но я уже перестала подходить к людям с абсолютной меркой. Люди такие, какими их делают обстоятельства.

– Мы быстро поженились и толком не успели узнать друг друга.

Мой взгляд непроизвольно опускается ниже *ее* талии.

Она краснеет.

– Мои родные хотели, чтобы мы поженились.

– Тогда желаю вам удачи. – Я умолкаю. Обычно я не пускаюсь в откровения с незнакомыми, да и ни с кем вообще, но, несмотря на очевидную разницу между нами, что-то знакомое в ней угадывается. Что-то довольно знакомое мне –

чувство одиночества.

– Брак – сложная штука. Связать свою жизнь с другим человеком непросто: твоё настроение будет зависеть от его настроения, твои потребности – следовать за его потребностями, а ты – подчиняться его воле. Это выматывает, – признаюсь я.

– Не сомневаюсь. Меня зовут Мирта, – после паузы говорит она.

– Я Хелен, – я пытаюсь улыбнуться. – Надеюсь, у тебя всё по-другому.

– Мне жаль, что у тебя иначе, – она сглатывает. – Так было всегда?

Я мысленно возвращаюсь к началу – девять лет брака затмевают воспоминания о том времени, когда мы были молоды и Том навещал меня у Руби. Он возвращался с моря, и от него пахло солью, рыбой, солнцем и свободой, а мне только и было надо, что уткнуться лицом ему в ключицу, тесно-тесно обхватить его руками, ощущая его силу, которую я считала надёжным заслоном от мирских напастей.

Счастливым ли то было время? Пожалуй. Сейчас всё стерлось, позабылось, точно это происходило с другим человеком, точно я – другой человек, но когда-то ведь это действительно было. Каким-то образом эти моменты отошли в прошлое быстрее, чем я успела понять, и другие составляющие нашего брака, прежде сопряжённые с потрясением и страхом, стали повседневным явлением.

– Нет, не всегда, – отвечаю я. – Когда мы поженились, все было по-другому. Конечно, мы были бедны, но это была дру-
гая бедность. До того как все пошло наперекосяк, мы неплохо ладили. У нас был маленький домик и, возможно, родился бы малыш, и мы строили планы.

Тогда мы жили надеждой. Даже когда все пошло напере-
косяк, у Тома была лодка. Он часто повторял, что тот, кто
готов трудиться, может горы свернуть. Но, как выяснилось,
одной лодки было недостаточно. Он умел ловить рыбу, но в
ней мало толку, когда у людей нет денег, чтобы заплатить за
нее.

– Он изменился, – подытоживаю я. – Или жизнь изменила
нас.

Но ведь в этом мире есть много хороших мужчин, кото-
рые, подобно остальным, все потеряли, но не колотят сво-
их жен и не пропивают остатки выручки. Может быть, эти
склонности были у Тома всегда, а я просто не замечала их?

– И как это понять? – спрашивает Мирта. Она побледнела
и широко раскрыла глаза.

Такая молодая.

– Как понять, что ты вышла замуж за мужчину, который
изменится? – заканчиваю я за нее.

Она кивает.

– Не думаю, что это можно понять. Ты хотела выйти за
него?

Неужели она, подобно мне, повелась на широкие плечи?

Воображала океанский воздух и ветер, играющий в волосах? Мечтала о приключениях? Влюбилась настолько безоглядно, что слушала только собственное сердце, а его сердце не слышала?

– Не знаю. Я хотела стать женой. Иметь семью. Ничего лучше в голову не приходит.

Мне хочется сделать и сказать что-то более стоящее. Хотя у нас с ней ситуации разные, но я помню, каково это – быть молодой женой, пытаться создать семью и дом почти без всякой помощи. Я, по крайней мере, когда вышла замуж, стала жить неподалеку от родителей. Не могу представить, каково это – переезжать в другую страну с супругом, которого почти не знаешь.

За моей спиной слышится шум – Руби зовет меня.

– Вот и перерыв закончился. Надо возвращаться к работе.

– Спасибо, что поговорила со мной. – Мирта наклоняется и быстро обнимает меня, а когда разжимает руки, я проверяю, не осталось ли на ее шикарном платье грязных и жирных пятен от моего передника. – Спасибо, – снова шепчет она. – И удачи. Пусть у тебя и твоего малыша все будет хорошо.

– И тебе того же.

Я еще немного медлю, пытаюсь найти для нее нужные слова, но ничего не приходит в голову.

Ощущать беспомощность тяжелее всего – осознание того, что ты в ловушке у жизни, у обстоятельств, и от тебя ничего

не зависит, изматывает. Изю дня в день, из месяца в месяц, из года в год. От этого хочется бежать прочь со всех ног и без оглядки. От этого хочется ругаться на чем свет стоит.

Я вижу это в ее глазах – искорку, вспышку гнева, яростного и внезапного, преображающего ее в совершенно другого человека. В человека, которого я знаю.

Я улыбаюсь ей в ответ.

* * *

– Еще одна, – говорит мне Руби, когда я возвращаюсь в ресторан.

Новая посетительница молоденькая и хорошенькая. На первый взгляд у нее отличный наряд, но в том, как этот наряд сидит на ней, есть что-то странное, точно он был сшит на юную девочку, до того, как ее формы стали более женственными. Подол платья короче, чем требует мода, и в талии, подчеркнутой пояском, оно ей тесно, несмотря на стройную фигуру. Впрочем, на шее прелестный кулон, который придает лоск всему образу – в наших краях это редко увидишь.

Ясно, что она нездешняя.

Возле ног на полу саквояж – когда-то он выглядел шикарно, но уже пообтрепался.

– Беглянка, – высказывает предположение Руби.

– Для беглянки одежда слишком хорошая.

– У богатеньких детишек тоже бывают трудности, – фыр-

кает Руби.

Возможно, но когда твои собственные проблемы так или иначе связаны с деньгами, другое объяснение представляется с трудом.

– Похоже, у нее неприятности, – бормочу я.

– Или она приехала сюда, чтобы от них избавиться, – Руби обводит взглядом ресторан. – Жаль, если ураган доберется сюда, их планы на отдых полетят ко всем чертям.

Больше она ничего не говорит, но я слышу в ее голосе невысказанное беспокойство – если ударит ураган, ресторан понесет убытки, а сейчас нам, как никогда, нужна работа.

Я подхожу к столику приезжей.

– Добрый день. Добро пожаловать в кафе «У Руби». Что будете заказывать?

– Кофе, пожалуйста. Черный.

– Что-нибудь еще?

Девушка медлит с ответом, прикусывает нижнюю губу.

– Нет, спасибо.

Я вношу коррективы в первоначальную оценку. Возможно, когда-то она была богатой – ее наряд и модный саквояж явно это доказывают, но сейчас она выглядит голодной и испуганной.

– Сейчас принесу.

Я наливаю кофе и прихватываю из кухни кусок лаймового пирога.

Руби качает головой, когда я иду с тарелкой мимо нее.

– Ты, Хелен, добрая душа.

– Она совсем ребенок.

– А у тебя свой на подходе. И, судя по тому, как за последнюю неделю опустился живот, ждать уже недолго.

– Вот если мой малыш когда-нибудь будет голоден, одинок или испуган, кто-нибудь ему поможет.

– Запишу на твой счет, – вздыхает она.

Том спросит, почему я меньше заработала на этой неделе, но с этим мы потом разберемся.

Я направляюсь к столу, по пути принимаю еще один заказ и ставлю перед девушкой кофе и тарелку с фирменным лаймовым пирогом.

У нее округляются глаза.

– Это ошибка. Я пирог не заказывала. Только кофе.

– За счет заведения, – отвечаю я и, замечая в ее взгляде решительный блеск и уязвленную гордость, прибегаю ко лжи: – Его никто не заказывает, и в конце дня придется его выбросить. Сделаете одолжение, честное слово. Меня от его запаха мутит. На дух его не выношу.

Верит ли она мне или слишком голодна, только она берет вилку, поддевает кусочек и, прикрыв глаза, проглатывает его.

Она так красиво ест, с таким изяществом, что я снова укрепляюсь в мысли, что ее учили принимать пищу на званом обеде, сидя прямо и грациозно. По тому, как человек ест, можно многое о нем понять.

– Ну как, вкусно?

Ее лицо озаряется сияющей улыбкой.

– Да. Спасибо.

– Что-нибудь еще для вас?

– Вообще-то я кое-кого ищу.

– Рано или поздно «У Руби» бывают практически все в Ки-Уэст.

– Лучший лаймовый пирог в городе, – бормочет она себе под нос.

– Это действительно так, – усмехаюсь я. – И кого вы разыскиваете?

– Полагаю, он приехал сюда работать. В этом-то вся проблема. Я точно не знаю.

Она достает из сумочки письмо в потрепанном конверте. Почерк размашистый, мужской.

Скорее всего, от молодого человека.

Меня так и подмывает сказать, что лично мне еще не встречался в жизни мужчина, за которым стоит мчаться на край света, но я надеюсь, что ее случай исключительный.

Она протягивает мне конверт, и я принимаюсь его разглядывать. Почтовый штемпель Ки-Уэст, адресовано мисс Элизабет Престон, обратный адрес отсутствует.

– И где он работает? – спрашиваю я.

– Понятия не имею, чем он занимается. Он воевал. Я только знаю, что он поехал сюда с другими военными.

Я возвращаю ей письмо и быстрым взглядом окидываю

ресторан, стараясь разглядеть кого-нибудь из солдат.

– Они работают на строительстве к северу отсюда. По выходным любят приезжать в Ки-Уэст, выпустить пар, и ваш возлюбленный, должно быть, отправил письмо, когда был тут, а живут они на Лоуэр-Мэткемб и Уиндли-Ки.

У нее на лбу проступает морщинка.

– Мэткемб. Кажется, я видела эту остановку, когда ехала на поезде.

– Туда попасть можно двумя способами – по железной дороге и паромом. К парому надо ехать по дороге до Ноу-Нейм-Ки. Оттуда он отправляется и за несколько часов доплывает до Лоуэр-Мэткемб. Он непредсказуем – то не ходит, то опаздывает, но с Божьей помощью, глядишь, довезет.

С ее губ срывается ругательство, совсем неподобающее леди.

– Так далеко?

Приезжие не вполне понимают, как мы тут живем, пока не сталкиваются с этим лично. Острова соединяются между собой, точно жемчужины, неплотно нанизанные на нитку, – чтобы перебраться с одного на другой, нужно преодолеть водные преграды, плохие участки дороги и необжитые места. Железная дорога, само собой, упростила задачу, а когда достроят шоссе, станет еще лучше, но капризы ма-тушки-природы и ограниченные человеческие возможности останутся.

– К сожалению, да. В детстве я ездила туда летом в гости к

тете. Мне кажется, на Лоуэр-Мэткемб два лагеря. Их построили в прошлом году. И один на Уиндли. Те, кто приезжает сюда, не сказать чтобы были очень доброжелательны по отношению к местным. Они в основном держатся особняком.

Она засовывает письмо обратно в сумочку – страницы потрепанные и замусоленные, точно их читали и перечитывали. Видимо, такая преданность, что и разубеждать не стоит.

– Спасибо, – говорит она. – Вы мне очень помогли.

Я понимаю, что разговор окончен, но топчусь на месте – у нее подрагивает нижняя губа и сгорблены плечи, и это придает мне решимости.

– Позвольте предостеречь вас. В лагерях народ суровый. Девушке вроде вас там не место. Да и добираться на север нелегко.

– Я могу за себя постоять.

– Не сомневаюсь, но стоит ли бегать за мужчиной, который играет в прятки? Если он приехал сюда, чтобы затеряться, значит, не хочет, чтобы его нашли.

Она не отвечает, да в этом и нет необходимости. Упрямый блеск в глазах говорит сам за себя.

Я вздыхаю.

– Если будете искать, где остановиться, то лучше на Аппер-Мэткемб или Уиндли-Ки. На Лоуэр-Мэткемб, насколько мне помнится, остановиться почти негде. Моя тетя держит гостиницу на Аппер-Мэткемб. В Айламоrade. Прямо перед железнодорожной станцией. Ничего особенного, но

чисто и дешево. Могу сказать вам название, если хотите.

В ее зеленых глазах вспыхивает облегчение.

Девушка протягивает мне ручку и конверт с измятым письмом. На его обратной стороне я быстро записываю адрес и название.

Гостиница «Восход».

– Спасибо. Меня зовут Элизабет, – добавляет она с запоздалой улыбкой.

– Хелен. Откуда вы, Элизабет?

– Из Нью-Йорка.

Меня удивляет не столько само место, сколько расстояние до него.

– Далековато от дома. Вы приехали сюда одна?

– Да.

– Будьте осмотрительны. Не знаю, что за жизнь в городе, но здесь не поддавайтесь очарованию пляжей и голубого неба. Если не знать, куда направляешься, и довериться плохому человеку, можно попасть в большую беду. Народ тут отчаянный, как и повсюду. Отчаянные люди способны на опасные поступки.

Несмотря на предостережения, я могу лишь восхищаться ее мужеством и целеустремленностью. Сколько раз мне хотелось все бросить, но я сама себе говорила, что не должна этого делать, пасовала перед стоящими на пути препятствиями.

Краешком глаза я замечаю, что мне подаются знаки с дру-

того столика.

– Я к вам еще подойду через несколько минут, – говорю я и с неохотой оставляю ее.

Когда десять минут спустя я возвращаюсь, она уже ушла – на столике лежит мелочь за еду, включая пирог, и небольшие чаевые, оставлять которые ей вряд ли по карману.

Глава 5

Элизабет

Я заслоняю глаза от солнца, но все равно наворачиваются слезы. Облака набегают и проносятся мимо, давая легкую, слишком короткую передышку. Внутри ресторана было жарко, вентиляторы почти не охлаждали помещение, а теперь, когда я снова оказалась снаружи, влажный воздух невыносимо липнет к телу, а ветерок почти не обдувает.

Как я доберусь до Мэткемб?

Глупо, конечно, паниковать из-за слов официантки. Я одна проделала весь путь из Нью-Йорка. Мне вполне под силу преодолеть и последние несколько часов, но почему-то сейчас мне так не кажется.

Я была абсолютно уверена, что найду его в Ки-Уэст.

Я опускаю саквояж на пыльную землю – он вдруг становится слишком тяжелым.

Мимо проносится мышь, волоча по грязи свой хвостик.

Я взвизгиваю.

Когда родители подарили мне на шестнадцатилетие элегантный дорожный комплект с моими инициалами, я представляла, как буду разъезжать с ним на роскошных лайнерах – в Европу, Ньюпорт, Палм-Бич и тому подобные места. Столь бесславный конец я и представить себе не могла.

Я достаю кошелек и снова пересчитываю наличные. Едва

хватает на еду и проживание, а с билетом на поезд от моего бюджета останется просто пшик. И что тогда? Капиталы водятся только у одного моего знакомого, но сомневаюсь, что он станет меня выручать, когда узнает, что я сбежала.

Я роюсь в сумке, царапаю пальцы о бриллиантовое кольцо, ищу носовой платок...

– Вам помочь? – слышится вопрос.

– Все в порядке, я... – Я поднимаю глаза и вижу прямо перед собой мужчину в сером костюме, моего недавнего попутчика, который смотрит на меня с высоты своего роста с необоснованным превосходством.

Вот черт.

Я комкаю в руке старенький платочек и принимаюсь тереть под глазами, молясь о том, чтобы тушь не потекла, а мои щеки заливаются краской от негодования.

Ну почему именно его принесло сюда, когда я нахожусь в таком унижительном положении?

– Я в порядке, – уже с нажимом повторяю я и добавляю «спасибо», потому что мама всегда говорила, что благовоспитанные девушки должны быть вежливыми, пусть даже мне сейчас не хочется быть ни «вежливой», ни «воспитанной».

Ну, будем надеяться, что он отправится восвояси.

– По вам не скажешь, – довольно бестактно замечает он.

– Спасибо, вы очень наблюдательны. Но я в порядке.

Я жду, что он извинится.

Не тут-то было.

– Я вас не задерживаю, – говорю я, решительно позабыв про «вежливость» и «воспитанность».

– Ах, теперь вам не терпится от меня избавиться – прежде за вами это не замечалось.

Он что, ухмыляется?

– Мне было скучно, – говорю я. – Когда долго едешь, такое случается. Оказавшись в тесном пространстве, все немного сходят с ума.

– Скучно? Что-то не верится. У вас отбоя не было от поклонников.

– Никакой радости от таких легких трофеев.

– Так вам хотелось большего?

– Почему, когда мужчина рассматривает женщин как трофей, его превозносят, а когда женщина выходит на охоту, ее клеймят как слишком агрессивную, энергичную и алчную? У мужчин нет монопольного права на рынок амбиций. Или на пристрастие к охоте.

Он смеется – к нашему обоюдному удивлению.

– Тут вы правы. Кстати, о трофеях – а где же ваш приятель из поезда? Все еще любит рыбка в океане?

Выходит, он *все-таки* обращал внимание.

– Где-то там. А теперь, пожалуйста, уходите. Мы с вами мило побеседовали, исполнив ритуальный танец взаимных оскорблений, но у меня больше нет на это времени и, как ни больно мне развеивать ваши заблуждения, вы действительно интересовали меня лишь как возможность скоротать часы

поездки.

Но он не уходит. Вместо этого он прислоняется к перилам рядом со мной и складывает руки на груди.

– Что ж, теперь, когда мы установили, что вы не страдаете от безнадежной любви ко мне, удовлетворите мое любопытство вот в чем: почему вы стоите тут на солнцепеке в том же самом платье, с саквояжем и выглядите совершенно потерянной. Вы кого-то ждете?

– Нет, я никого не жду. Я приехала сюда одна.

Почему он не уходит?

– Кроме шуток? А мне казалось, вы направляетесь к семье... друзьям...

– Я приехала, чтобы разыскать кое-кого, – после паузы отвечаю я. – Я думала, он здесь, а его нет. Поэтому я уезжаю. И вам тоже пора.

– Но если его здесь нет, тогда где он?

Мне хочется солгать или вообще не отвечать, но я слишком устала, чтобы утруждать себя, и потому говорю правду.

– Наверное, на Лоуэр-Мэткемб. Или Уиндли-Ки. Я точно не знаю. Мы не общались. Но, насколько я поняла, там находится лагерь бывших солдат.

– Он воевал?

– Да.

– В этих лагерях такой, как вы, не место.

– Я могу за себя постоять, – уже второй раз за день говорю я.

Знали бы они, что за жизнь была у меня дома. Ки-Уэст не идет ни в какое сравнение с Нью-Йорком. В наши дни девушка должна быть все время начеку, иначе ей крышка.

– Не сомневаюсь, что вы можете за себя постоять, но до Мэткемба неблизко. Вам предстоит долгая дорога.

– Я в курсе. Я проделала весь путь сюда из Нью-Йорка. Еще несколько часов, и что с того?

– Много чего. Как вы намерены добираться туда? Сегодня вечером поезда не будет.

Я чувствую острый укол разочарования.

– Вы уверены?

– Последний поезд отошел от вокзала час назад.

– Ну, тогда завтра, – с фальшивым смешком говорю я. Здесь, само собой, есть где остановиться. Не идеально, но могло быть хуже, и подобный вариант уже приходил мне в голову.

Он окидывает меня взглядом и слегка прищуривается. Кажется, поношенность моего наряда для него не тайна, и он прекрасно понимает, что лиф мне тесен не из-за кокетства, а скорее всего потому, что платье было сшито несколько лет назад.

– Вам есть где переночевать? – прямо спрашивает он.

– Я в порядке.

Он раскачивается с пятки на носок, хмурит лоб...

– Я сейчас за рулем, – он указывает на припаркованный у дороги «Студебекер». – Я могу отвезти вас на Мэткемб.

– Шутите?

– Ничуть. Но если мы хотим успеть на паром, времени у нас немного. Ну что, едете?

– Вы были непростительно грубы со мной в поезде, а теперь хотите помочь?

– Не люблю, когда со мной играют. Просто терпеть не могу. В поезде вам была нужна мышка. Сейчас мы выяснили, что у нас нет никакого романтического интереса друг к другу, и поэтому я думаю, что могу сделать доброе дело, а вы определенно могли бы воспользоваться моей помощью.

Он запускает руку в нагрудный карман и показывает мне жетон.

Агент Сэм Уотсон. Федеральное бюро расследований.

– Вы работаете на правительство?

– Именно так.

Я не уверена, говорит ли это в его пользу или наоборот, хотя, скорее всего, второе. Я прикидываю, насколько рискую, садясь в машину к незнакомцу, – предостережение официантки отдается эхом в моих ушах. Что бы там ни говорили обо мне, но я не совсем бесшабашная. Однако денег у меня почти не осталось, а двигаться на север надо как можно быстрее, и это непреложный факт.

И потом, учитывая, кто идет за мной по пятам, возможны варианты и похуже, чем общество госслужащего. Будем надеяться, что перед спецагентом даже Фрэнк спасует.

– Я Элизабет, – говорю я, принимая решение. Поехать с

ним рискованная затея, но еще рискованнее – застрять тут.

Он кривит губы.

– Не Элиза?

– Элиза я только для друзей, – лгу я. – Официантка в закусочной рекомендовала гостиницу в Айламораде. Она сказала, это хорошее место.

– Как называется?

– «Восход».

– Я знаю эту гостиницу, правда, сам обычно останавливаюсь в отеле «Мэткемб». Так вы окажетесь между двумя лагерями. Доставлю вас на Мэткемб в целости и сохранности. Можете не сомневаться.

– Слово спецарента?

– Слово джентльмена.

– Почему вы мне помогаете?

Он пожимает плечами:

– Я все равно еду в том направлении. Кроме того, если вас предоставить самой себе, то, готов поспорить, вы вляпаетесь в историю, а я не хочу брать такой грех на душу.

– Я могу за себя...

– Ничуть не сомневаюсь, – нетерпеливо фыркает он, – но девушке оказаться ночью одной в подобном месте весьма неблагоразумно. Особенно если у вас с деньгами совсем негусто, как я подозреваю. Я рад оказать вам посильную помощь. Вы планируете остановиться в этой гостинице?

– Да.

Он поднимает глаза к небу – облака снова выглядят угрожающе.

– Если мы отправляемся, тогда нужно поторопиться. У меня дела на Аппер-Мэткемб, а я без того тут сильно задержался. К тому же вечером по прогнозу дождь, и мне не хотелось бы попасть в шторм.

– Что за дела?

– Расскажу по дороге. Ну что, едете?

Я не могу отделаться от тревожных мыслей.

– Если вы следовали на Мэткемб, то почему не сошли на станции в Айламораде? Почему проделали весь путь до Ки-Уэст, а теперь возвращаетесь на север?

– Во-первых, потому, что здесь стоял мой автомобиль. А во-вторых, потому, что мне сказали, что человек, с которым я должен встретиться, будет здесь. Мы разминулись. Он уехал на Мэткемб. Я не хочу разминуться с ним снова и потому не могу спокойно сидеть и ждать. Поедете вы или останетесь – дело ваше, но если едете, то лучше сказать об этом прямо сейчас.

– Ладно. Спасибо.

– Отличный выбор, – улыбается он.

Он меня просто бесит.

Сэм молча берет мой саквояж и идет с ним к автомобилю. Одной рукой он открывает мне дверцу и, когда я располагаюсь на бежевом кожаном сиденье, кладет саквояж в багажник, после чего занимает место за рулем.

Он заводит машину, и мы отправляемся в путь.

Дошло ли до Фрэнка, что я уехала из Нью-Йорка? Отправил ли он людей следом за мной? Он не привык упускать свое, и страшно представить, какой будет его реакция, когда он узнает, что лишился своей невесты.

Если люди Фрэнка выяснят, что я купила билет на поезд, по крайней мере, их поиски будут ограничены Ки-Уэст и не дойдут до того места, куда я на самом деле направляюсь. Если, конечно, он не поймет, кого я разыскиваю. Но к тому времени, на наше счастье, мы уже уедем.

Хорошо, что есть возможность убраться подальше от Ки-Уэст и пропасть из виду.

– Откуда вы? – интересуюсь я, когда Сэм выруливает на дорогу.

– Опять светская беседа? Мне казалось, мы стали попутчиками по необходимости – из-за ваших проблем, а не по доброй воле.

– Верно, но вам также известно, что мне быстро становится скучно. И потом, пожалуй, стоит чуть лучше узнать мужчину, с которым мне предстоит провести несколько часов в машине и на пароме.

– Я из Джексонвилля, Флорида, – вздыхает он. – Там родился и вырос.

Я морщу нос, вспоминая крохотный, ничем не примечательный городишко, мимо которого мы проезжали по железной дороге мистера Флаглера.

Я наклоняюсь ближе:

– И что такой мужчина, как вы, делает в Джексонвилле?

– Слушайте, заканчивайте с вашими дамскими штучками.

Вам не очень удастся образ роковой женщины, да и момент сейчас не совсем подходящий.

– Не очень удастся... – У меня кровь приливает к щекам.

– Расслабьтесь, красавица. Вы, конечно, ослепительны, только я не мальчик и уже давно не падал к женским ножкам. И в обозримом будущем это не входит в мои намерения. Или вы это за собой даже не замечаете? Или это ваш способ контролировать ситуацию, когда нервничаете?

Ну что за субъект.

– Ладно. Чем вы занимаетесь в ФБР? – ровным тоном спрашиваю я – уже не мурлыкаю и не использую манящий язык телодвижений.

У него на губах проступает улыбка.

– Расследую.

– Что именно?

– Разные преступления.

– Типа ограблений банков?

– Нет, грабителями банков я не занимаюсь.

– Значит, гангстерами, – предполагаю я.

Он не подтверждает и не опровергает, отсюда я заключаю, что моя догадка верна.

– И много гангстеров в Ки-Уэст?

В Нью-Йорке они, разумеется, есть, но Ки-Уэст мне все-

гда представлялся эдаким сонным местечком, совсем непохожим на криминальный город.

– Здесь пролегает несколько оживленных контрабандных маршрутов.

– Значит, вы тут по делам, а не ради собственного удовольствия?

– Да.

– Охота на гангстеров – звучит опасно.

– Опасности случаются, но по большей части все обстоит довольно мирно – сплошная бумажная волокита.

– Она вам нравится?

Мои знакомые мужчины посвящали жизнь бизнесу и финансам – невозможно представить, чтобы кто-нибудь из них выбрал себе подобную стезю. Им скорее свойственно обходить закон, чем защищать его.

– Это часть работы, – он делает паузу. – Да, она мне нравится.

– Это требует определенного оптимизма. Люди всегда будут совершать преступления.

– Именно так.

Возможно, это не самая шикарная работа, но в этом климате даже я способна оценить выгоды подобной охраны.

– И вам нравится их ловить?

– Мне нравится привлекать их к ответственности. Приятно сознавать, что на улицах стало одной опасностью меньше. Сам факт того, что они ответят за свои преступления, дарит

чувство облегчения.

И внешне он вполне тянет на нетерпимого в вопросах морали борца за добро и справедливость. Но есть одна загвоздка – я считаю, нельзя всю жизнь гоняться за преступниками и не запачкаться самому.

– А вы чем занимаетесь? – спрашивает он, ловко переводя стрелки в разговоре.

– Пожалуй, тем же самым, что и остальные, – пожимаю плечами я.

– И как вообще живется в Нью-Йорке?

Что на это ответить? «До того как», когда жизнь была сплошным праздником, или «после того как», когда мы, как и все, впали в отчаяние?

– Как и повсюду в стране в наши дни. Работы нет, и денег тоже.

– Кем вы работаете?

Несколько лет назад в ответ на такой вопрос я бы рассмеялась. Сейчас он вызывает некоторую неловкость.

– Пару раз ходила на биржу труда. Пыталась получить работу.

– И что нашли?

– Слишком много женщин находится в таком же отчаянном положении. У них есть опыт, им надо кормить детей, – я пожимаю плечами. – Мне предложили место продавщицы в универмаге, потому что я миловидная.

У красивых женщин есть шанс трудоустроиться даже во

времена Депрессии.

– Я попробовала, но, честно говоря, оказалась ни на что не годной.

– Да ну?

– Мне не хватало терпения. Надо было весь день стоять и ждать, когда кто-нибудь к тебе подойдет. И денег было не настолько много, чтобы улучшить наше положение. Для хорошенькой девушки всегда найдутся другие занятия.

– Могу себе представить, – произносит он без тени юмора в голосе.

– Вряд ли. Мужчинам легче живется, разве нет? Слава богу, что я не родилась дурнушкой, без роду и племени, в голоде и нищете, обреченной заниматься поденной работой и мечтать о будущем, которое никогда не наступит.

Депрессия ударила по всем нам, но женщинам приходится тяжелее всех. Многие мечтали о замужестве и семье, но в наши дни браки заключаются все реже и реже. Другие мечтали о карьере, а в итоге их обвинили в том, что они отбирают работу у мужчин.

– Говорят, худшее уже позади, – замечает Сэм.

Меня совсем не удивляет, что госслужащий покупается на ложь, которую льют нам в уши.

– А что им еще говорить, а? – возражаю я. – Когда все потеряно, хуже уже не станет.

Я смотрю в окно на проносящиеся мимо виды. Здесь красиво – необжитая, дикая природа. Хотя Манхэттен населен

довольно густо, нью-йоркское общество сравнительно невелико, и когда мы лишились всего, уединиться было невозможно, наш крах оказался у всех на виду. Мне понятно желание сбежать сюда и исчезнуть, получить передышку от слухов и сплетен. На земле есть места и похуже, а здесь за спиной океан, солнце светит в лицо и под ногами песок.

Я обязательно найду его в эти выходные.

Я должна.

Глава 6

Мирта

После ланча, как только Энтони находит человека, который чинит нам колесо, мы опять отправляемся в дорогу, держа курс на север, и по пути, до прибытия на Но-Нейм-Ки, в основном молчим. Когда мы садимся на паром до Лоуэр-Мэткемб, солнце начинает клониться к закату. Энтони неразговорчив, на его лице сохраняется мрачное выражение. Судя по всему, он раздражен тем, что мы задержались из-за лопнувшего колеса, – я стараюсь поднять ему настроение, потом сдаюсь и остаток пути дремлю. Проснувшись, я вижу перед собой мужа, чьи карие глаза внимательно смотрят на меня. Мы сходим с парома и снова садимся в машину, но едем недолго и наконец прибываем в то место, где нам предстоит провести медовый месяц.

Дом на берегу моря – просто загляденье: большой, белый, с круговой верандой и темными ставнями. Въезд обрамляют высоченные пальмы, усиливая впечатление уединенности.

Очень романтично.

– Хозяин рыбачит на Лонг-Ки с членами Флаглеровского спортклуба, – говорит Энтони. – Вандербильтами и прочими.

Продолжения не требуется. Есть вещи, которые не купишь ни за какие деньги, и, судя по всему, в Соединенных

Штатах уважение так же бесценно, как и на Кубе.

Он паркует автомобиль, и нас приветствует немногочисленный персонал, который во время нашего пребывания здесь будет нам прислуживать. Мы проходим по дому, и один из работников – он представился как Гас – ведет нас в хозяйскую спальню и ставит мои чемоданы возле деревянного армуара напротив кровати. В комнате бледно-зеленые стены, из больших окон открывается вид на океан и песчаный пляж.

– Тут нет электричества, но по вечерам можно зажигать керосиновые лампы. К счастью, в доме есть водопровод, что в этих местах редкость, – говорит Гас.

Я смотрю на мужа.

Энтони стоит, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки. Когда мы выезжали из Ки-Уэст, он снял пиджак и опустил верх автомобиля – из-за приближающейся грозы сильно парит. Рукава его белой рубашки закатаны, обнажая загорелые руки, покрытые темными волосками.

Его взгляд направлен на меня.

Гас бесшумно выходит, и мы остаемся одни – нас разделяет огромная кровать.

Он что, имеет в виду, что мы... Затылок обдаёт жаром.

– Хочешь искупаться? – спрашивает Энтони. У него на губах играет улыбка, точно он угадывает мои мысли и желание любым способом оттянуть наступление брачной ночи. После скоропалительной свадьбы мы с ним не оставались наедине в Гаване. Энтони сказал, что отель-казино – не место для его

жены, и нам обоим не улыбалась мысль провести ночь под крышей моих родителей. Физическая близость с малознакомым человеком – и так довольно неловкая ситуация, тем более в доме, где ты выросла.

Значит, сегодня вечером.

– Уже почти стемнело, – говорю я.

– Не совсем. Пожалуй, час светового дня еще есть. Пляж в нашем полном распоряжении – по крайней мере, мне так говорили, – добавляет Энтони, и его глаза горят почти мальчишеским восторгом.

Для жителя Нью-Йорка пляж, наверное, в новинку, но главный плюс для меня в том, что это дает отсрочку от исполнения супружеских обязанностей.

Он оставляет меня одну, и я быстро переодеваюсь в купальный костюм, который купила на свадебные деньги.

Энтони, в купальных шортах и с полотенцем на шее, ждет меня у лестницы.

Выходит, его багаж отнесли в другую комнату? Интересно, пока мы здесь, мы будем жить вместе или порознь, как мои родители на протяжении всей жизни? Супруги обсуждают подобные вопросы или они решаются сами собой, по обоюдной негласной договоренности?

– Готова? – спрашивает он.

Вряд ли.

Я следую за ним к воде.

Мы идем вдоль пляжа, возле нас разбиваются волны. С воды задувает ветер, слегка смягчая жару, но воздух непривычно липкий, насыщенный влагой. Энтони подходит вплотную к воде, и в этом его движении есть что-то ободряющее — доброжелательность, учтивость, стремление избавить меня от неловкости.

Он грубее мужчин, точнее — юношей, к которым я привыкла. Хотя в его манерах нет ничего явно предосудительного, по тому, как он держит себя, невозможно не заметить, что он принадлежит к иному миру, чем тот, в котором я жила на Кубе.

Кто он, мужчина, за которого я вышла замуж?

— Здесь красиво, — тихо произносит Энтони, вглядываясь в океанскую даль.

Здесь действительно красиво — дикой, суровой красотой, хотя, по правде говоря, до Кубы этим местам далеко.

Наш бледно-розовый, окруженный деревьями дом в районе Мирамар в Гаване занимает почти весь квартал. Наша семья проживает в нем на протяжении нескольких поколений, и когда-нибудь он перейдет к моему брату Эмилио — в нем он будет растить своих детей. Я часами плескалась в бассейне на заднем дворе, так что кожа сморщивалась от воды. Всякий раз, думая о доме, я представляю себе его прочные

стены и яркое кубинское небо.

– Ты, наверное, повидала немало красивых пляжей, – добавляет Энтони.

– Да.

Куба, при всех ее изъятиях и недостатках, невероятно прекрасна. Может, в этом-то все дело: красота лишь одно из лезвий обоюдоострого меча, она притягивает к себе как хорошее, так и плохое.

– Будешь скучать по дому?

– Конечно. А в Нью-Йорке мало пляжей, да? – спрашиваю я, меняя тему.

– В городе их почти нет. Но в штате есть другие, очень симпатичные, места.

– А где ты вырос? – Мне очень хочется узнать о нем больше.

– В Бруклине.

– Там тебе было хорошо?

– В детстве? Ну, я бы не сказал, что хорошо. Но там я стал тем, кто есть.

– А сейчас? Как сложилась твоя жизнь? Должно быть, теперь все по-другому.

– На деньги все не купишь.

Так говорят те, у кого их навалом.

– В самом деле?

– Честное имя не купишь.

– Зато купишь светскую жену.

Блеск в его глазах – скорее признак влечения, чем жадности.

– Это верно.

– Правда, со слегка подмоченной репутацией, – шучу я.

– По мне, так с твоей репутацией все в порядке.

Меня удивляет серьезность его голоса.

– Видишь ли, в нашей семье это своего рода традиция, – говорю я, пытаюсь поднять ему настроение.

– Вот как?

– Мой дальний предок, Перес Первый, стремясь возвысить свое имя, завоевал себе титул и жену.

– Промышлял чем-то недостойным?

– По слухам, да.

– И какие же грехи за ним числились?

– Торговля женщинами. Пиратство.

– Ну, тогда мы с ним поладили бы, – улыбается Энтони.

Я смеюсь. Люди редко признают свои недостатки, но, опять же, это привилегия большой власти.

– А кем была его жена? – спрашивает Энтони.

– Девушка из родовитой семьи, оказавшейся в трудном положении. Верная супружескому долгу, она плавала на корабле вместе с мужем и так повидала почти полмира.

– Значит, у них все держалось на долге?

– По легенде, они любили друг друга, а как было на самом деле – это другой вопрос. И кто, кроме самих супругов, на самом деле знает, как обстоят дела в браке?

– Наверное, ей было страшно, – размышляет он, и я начинаю подозревать, что разговор идет не только о корсаре и его жене.

– Думаю, да, но она все равно исполняла свой долг. Мы, женщины, сделаны из прочного материала.

Я указываю на свой кулон, семейную реликвию, которую папа преподнес мне на свадьбу.

– Это ей подарил тот корсар.

На счастье, – сказал мне отец.

– Можно? – спрашивает Энтони.

Я киваю.

Он берет в руки кулон, потирает пальцами золотую оправу в форме сердца и красный камень. Потом, не говоря ни слова, выпускает из рук – кулон слегка царапает мне кожу.

Энтони не отходит.

Я так волнуюсь, что едва могу дышать.

Первый раз мы поцеловались на свадьбе – просто и поспешно, на публику, – а сейчас, кажется, намечается второй.

Энтони наклоняется, стирая расстояние между нами, его губы касаются моих, мягко, нежно и почти невесомо.

Меня пробирает дрожь.

Я делаю глубокий вдох, сердце гулко стучит в груди, а его поцелуй становится настойчивее.

Океан плещет вокруг, ветер раздувает мои волосы. Он целует дерзко, уверенно, соблазнительно.

Очень в его духе.

Из разговоров с двоюродными сестрами и подругами я знаю, что ему надо от меня, ощущаю желание в его напряженном теле, в том, как его руки касаются моей одежды, тянут бретельки купального костюма, как он прижимает меня к себе, точно я ему отчаянно нужна.

Раньше меня никто так не целовал.

Энтони отпускает меня – его глаза блестят от радости.

Я подношу руку ко рту, чувствуя, как губы все еще пульсируют от прикосновения.

– У нас все будет хорошо, – улыбается он.

Мне бы его уверенность.

* * *

Ужин – настоящий пир из местных морепродуктов, моллюсков и красного луциана, такого я никогда в жизни не пробовала. Я слишком нервничаю, я устала и быстро насыщаюсь, но у Энтони припасен целый ящик шампанского, который ему прислали из Нью-Йорка, и он предлагает тост за наш экстравагантный брак. После ужина мы разделяемся: он с сигарой отправляется в библиотеку, а я иду наверх готовиться ко сну.

Я моюсь в круглой ванне, чуть смазываю духами запястья и шею и выбираю самую элегантную сорочку из своего приданого.

Пока я принимала ванну, кто-то невидимый преобразил

спальню – повсюду горят свечи, кровать и пол усыпаны белыми лепестками в тон белоснежным простыням.

Я подхожу к кровати и хватаюсь рукой за столбик – в животе нервная дрожь.

На ночном столике лежит роман, который, похоже, Энтони принес для себя – «Квартал Тортилья-Флэт» Стейнбека.

Выходит, не порознь.

Я пролистываю книгу – судя по закладке, он дошел до середины.

Я не могу устоять перед соблазном обшарить ящики. В туалетном столике обнаруживается коробка с сигарами, чей запах хорошо мне знаком – *сигары он тоже предпочитает кубинские*. Рядом – пачки купюр, невероятная уйма денег. На Кубе отец на всякий случай держал деньги в сейфе. Тот факт, что Энтони не видит необходимости их прятать, свидетельствует о его высокомерии и богатстве, а еще, возможно, о том, что он чувствует себя в безопасности. Если он действительно связан с мафией, как казалось на Кубе, значит, его слишком боятся и воровать у него не станут.

Носовой платок; я подношу его к лицу – в нос тут же бьет запах его одеколона. Я опускаю взгляд. Из глубины ящика...

На меня смотрит холодное дуло пистолета.

Я резко захлопываю ящик.

Ничего удивительного в том, что такой, как Энтони, имеет оружие, но одно дело – ночами мучиться бессонницей из-за странных догадок, а другое – увидеть все своими глазами.

Дверь спальни открывается.

Помимо пиджака, Энтони снял жилет и расстегнул две пуговицы белой рубашки.

Я сглатываю.

Это уже не тот мужчина, с которым я целовалась на пляже несколько часов назад; при виде пистолета, другой составляющей его жизни, старые страхи обрушиваются на меня с новой силой.

Разве можно быть хорошим, добрым человеком и в то же время ежедневно соприкасаться с насилием?

– Ты прекрасна, – чуть слышно шепчет Энтони. – Черт, «прекрасна» – это слабо сказано.

На мне белоснежная кружевная сорочка, почти не оставляющая пространства для фантазий. И, без ложной скромности, мама наставляла меня, что, ублажая мужа, я сделаю свой брак более сносным – блеск в глазах Энтони, то, как он пожирает меня взглядом, доказывают, что я на правильном пути.

– Иди ко мне, – призывает Энтони.

Я направляюсь к нему на трясущихся ногах, по коже разливается жар. Мое тело покрывает ажурное кружево и тончайшая полупрозрачная ткань, я почти что голая сейчас перед ним.

Не дойдя до него, я останавливаюсь. Сделать последний шаг выше моих сил.

– Ты напугана.

– Я никогда не делала этого раньше.

– Я не собираюсь причинять тебе боль, – он вздыхает. –

Знаю, что тебе обо мне наговорили.

– Дело не только в этом.

– Но это все осложняет, так?

– Да.

– Там, где я вырос, если тебя боятся и считают способным на все, это только на руку, – говорит Энтони. – Со страхом приходит уважение, без которого этот мир выбрасывает тебя за борт. Когда я был маленьким, отца застрелили на улице на моих глазах, потому что он задолжал не тем людям. Сумма была небольшая, но они это сделали, чтобы другим было неповадно.

– Мне очень жаль...

– Тогда я понял, что тоже должен быть сильным, чтобы обезопасить себя и людей, которые мне дороги, и удержать то, что я построил. Настолько сильным, чтобы никто не посмел еще раз что-нибудь у меня отнять.

Мир, о котором он говорит, не очень разнится с тем, в котором выросла я. Политические игры на Кубе отличаются особой кровожадностью. И все же я сильно сомневаюсь, что мой отец способен на то, что совершал этот человек.

Я открываю рот, снова закрываю его, не будучи уверена в том, что готова услышать ответы на вопросы, которые роятся в моей голове.

– Спрашивай что хочешь. Ты моя жена.

Искренность его голоса удивляет. Равно как и благоговение, с которым он произносит слово «жена».

– Мои родители любили друг друга, а потом отца убили. Очень сильно любили. Мне не нужен бесстрастный светский брак.

– А разве он может быть настоящим? – вырывается у меня. – Мы ничего не знаем друг о друге.

Энтони делает шаг вперед, протягивает руку и проводит пальцами по моей руке, точно пытаюсь успокоить.

У меня по телу бегут мурашки.

– Я хочу большего, – говорит он. – Мне нужно все.

– Ты не... – я втягиваю ноздрями воздух, собирая все свое мужество. – Мы не...

– Почему я еще не переспал с тобой? – договаривает он за меня.

Я краснею.

– Не из-за отсутствия желания, уж поверь мне, – кривится он.

– Тогда почему?

– Потому что наш брак начался не слишком удачно, и я не хочу рисковать нашим будущим, принуждая тебя к тому, к чему ты еще не готова. Когда ты окажешься в моей постели, я хочу, чтобы ты пришла туда по собственной воле. Потому что ты хочешь меня, – Энтони наклоняется и целует меня в лоб. – Спокойной ночи.

Меня переполняют эмоции и незнакомые ощущения – же-

ление, разбуженное его нежным прикосновением, рассыпается искорками по всему телу.

– И... все?..

– Думаю, пока лучше остановиться на этом, – усмехается он. – Я хочу, чтобы ты была счастлива в нашем браке, Мирта. Дай мне шанс.

Он уходит, а я гляжу ему в спину, разрываясь между чувством облегчения и разочарованием.

Всю ночь я читаю его «Квартал Тортилья-Флэт», размышляя, вернется ли он в спальню, куда ушел и чем занимается.

В какой-то момент я проваливаюсь в сон, а когда просыпаюсь, книга снова лежит на ночном столике, закладка переместилась на то место, где остановилась я, а его половина кровати пуста.

Где мой муж?

Глава 7

Элизабет

Когда мы прибываем на Аппер-Мэткемб, небо уже совсем темнеет и пейзаж гораздо меньше радует глаз, чем в Ки-Уэст. Земля бедна растительностью, ландшафт оживляют только ветхие хибары на сваях. Пока мне встретилось больше диких животных, чем людей, – густая поросль кишмя кишит самыми разными тварями.

После нескольких попыток завязать беседу остаток пути мы с Сэмом провели в тишине, но, несмотря на все усилия, чем больше сокращалось расстояние до конца маршрута, тем труднее мне становилось сохранять молчание – пустынность здешних мест порождала уйму вопросов.

Возможно, при свете дня, когда сияет солнце, все выглядит приятнее, но сейчас все представало не в лучшем виде. Кому вообще может прийти в голову обосноваться здесь?

– Вы сражались на фронте? – спрашиваю я Сэма.

– Да.

– Должно быть, вы тогда были совсем мальчишкой.

– Мне было восемнадцать. Я сам обратился в ближайший призывной пункт.

– А когда вернулись, вы были...

– Под впечатлением от увиденного?

– Да.

– А разве могло быть иначе?

– И как вам жилось после этого?

– Трудно сказать. Пожалуй, я сильно об этом не думал.

Просто жил.

Сэм сворачивает на дорогу, где еще больше ухабов, чем на той, по которой мы ехали прежде. Чем дальше мы продвигаемся, тем больше у меня сомнений по поводу моей затеи отправиться в путь без толкового плана.

– Может, вы подробнее расскажете мне о том, что привело вас сюда из Нью-Йорка? – спрашивает Сэм.

– Это личное.

Он отрывисто смеется.

– Не вы ли последние несколько часов старались залезть мне в душу?

– Можно подумать, вы много откровенничали, – возражаю я.

– Больше, чем обычно, – усмехается он, при этом его суровое лицо смягчается и начинает казаться гораздо моложе. – Вам говорили, что вы довольно наблюдательны?

– Едва ли.

– Тогда знайте. Это хорошее качество, очень полезное в жизни.

– Пока, к сожалению, от него было мало толку.

– Почему вы приехали сюда одна? – спрашивает Сэм. – Почему никто из родных не составил вам компанию?

– Больше никому.

– Я охотно проеду с вами к военным, если хотите. Там живут и работают сотни мужчин. Среди них встречаются довольно грубые. В подобных местах одной вам делать нечего.

– Мужская компания мне не в новинку. Брани и грубостей я не боюсь.

– Если «брань» – худшее из того, что вы ожидаете, значит, вы плохо знакомы с нравами людей подобного сорта.

– Какого «подобного сорта»? – хмурюсь я.

– Вы должны быть готовы. У этих лагерей дурная слава. Вы хотя бы представляете себе, как будете искать этого человека?

– Я еще не придумала. Пока.

– Тогда осмелюсь предложить, что мы начнем завтра утром.

– Мы? – Я вопросительно вскидываю бровь.

– Да, мы. Я сказал, что помогу вам, и сделаю это. Вам нужен тот, кто знает эти места и у кого есть транспорт. Насколько мне известно, военные в основном проживают в двух лагерях – на Лоуэр-Мэткемб и на Уиндли-Ки. Мы начнем с Уиндли и будем двигаться вниз. Хотя большинство живут на Лоуэр-Мэткемб, на Уиндли находится госпиталь. Если условия работы настолько тяжелые, как говорят, значит, велика вероятность того, что он обращался за медицинской помощью.

Надо признать, по части планирования он может дать мне сто очков вперед.

– Откуда вы столько всего знаете про эти лагеря? – спрашиваю я.

– Мне случалось останавливаться там подолгу.

– В процессе охоты на бутлегеров, гангстеров и контрабандистов?

– Вы даже не представляете себе, как много между ними общего. Но да.

– Сухой закон отменен.

– Верно, но это не означает, что бандиты исчезли полностью. После отмены и двух лет не прошло. Многие не готовы менять свои привычки. Если они не возят с Кубы контрабандный ром, это не означает, что они не занимаются криминальной деятельностью. Судя по тому, как разворачивается мафия, они надеются укрепить свое влияние. Думаете, на архипелаге дело обстоит иначе? Деньги никуда не делись – многие слишком жадны или находятся в отчаянном положении, чтобы отказываться от менее лакомых кусочков.

– И как вы оказались на этой работе?

– Наверное, это у меня в крови. Мой отец был детективом.

– Должно быть, очень увлекательно.

Я думаю про романы, которые люблю читать, про тайны, которые разгадывают бесстрашные следователи.

– В этом есть своя прелесть, – отвечает он.

– А расследование, которым вы заняты сейчас, – как с ним обстоят дела?

– Чтобы прижать бутлегеров, была создана межведом-

ственная целевая группа, куда, помимо нас, входили парни из Береговой охраны и Бюро по контролю за исполнением сухого закона. Когда в 1933-м его отменили, у нас остался список лиц, причастных к уголовной деятельности и входящих в криминальные структуры. Мы держим их в поле зрения, а учитывая, что здесь пролегают различные торговые маршруты, особенно между Соединенными Штатами и Кубой, это создает массу возможностей для контрабанды.

– Совершенно другой мир, – задумчиво говорю я.

– Да, тут вам не манхэттенское высшее общество.

Удивительно, как он ловко вычислил мое социальное происхождение. Я уже мало похожа на девушку из высшего общества.

– Это настолько бросается в глаза?

– Да, при некоторой наблюдательности.

– Значит, в поезде вы меня заметили.

– Разумеется, я вас заметил. Иначе что я за профессионал? Не разглядеть хорошенькую девушку – это надо сильно постараться.

– А мне показалось, вам ничуть не интересно.

– Я не мешаю работу с удовольствием.

При слове «удовольствие» у меня внутри что-то сжимается.

– Никогда?

– Никогда.

– Какая скукота, – поддразниваю его я.

– Что бы вы там ни говорили о моей работе, скучной ее едва ли назовешь, – смеется он.

Кольца на заветном пальце у него нет, но это может ничего не значить. Хотя я с трудом могу представить его в семейной обстановке, с супругой и домочадцами. В его лице и манерах слишком много жесткости.

– А подруга у вас имеется? – спрашиваю я, не в силах сдержать любопытство.

– Нет.

– Тогда вам, должно быть, бывает одиноко – мотаетесь один-одинешенек по стране, преступников ловите.

– Иногда.

– А тот человек, за которым вы прибыли сюда, – он опасный?

– Безусловно.

– А вам бывает страшно?

– Если все время бояться, тогда работать не получится. Конечно, опасность есть, но эти люди по большей части запугивают. Они хотят, чтобы их боялись, потому что страх – это власть. Фокус в том, чтобы воспринимать их как обычных людей, умалить их значимость, и тогда их угрозы и бахвальство потеряют вес.

– Вам это нравится – ловить.

– Да.

– Очень по-мужски.

– Можно подумать, у вас как-то иначе.

– У меня? Вообще-то я не гоняюсь за преступниками по стране.

Хотя, надо сказать, звучит заманчиво.

– Я видел, как вы играли с беднягой в поезде, забавлялись с ним, как кошка с мышкой.

– Как кошка? – фыркаю я.

– И вас это веселило. В вас говорил охотничий азарт. Пусть даже он подстегивался всего лишь нескромным взглядом в вырез платья...

– Вы что, совсем не имеете понятия о том, как надо разговаривать с леди?

– Я и не знал, что разговариваю с леди.

Сначала кошкой обозвал, теперь...

– Мне показалось, вы воображаете себя искательницей приключений, – добавляет он. – Это куда увлекательнее, чем быть леди.

– И много у вас знакомых леди?

– Если вы имеете в виду светских львиц, то ни одной.

– И я им сейчас не компания, – замечаю я. – Меня некоторым образом исключили из высшего общества.

– Вы слишком потрясли его устои?

– В каком-то смысле. Существуют правила, которые не следует обходить или нарушать.

– Тогда им же хуже. Готов поспорить, что вы вносили большое оживление в их скучную компанию.

Он бросает взгляд в окно и поворачивает на другую доро-

гу – шум океана усиливается.

– Долго еще? – спрашиваю я. Кругом кромешная тьма, судя по всему, в покосившихся домишках электричество отсутствует.

– Трудно сказать, – говорит Сэм. – На заправочной станции мне сказали ехать прямо.

Если моя репутация еще не окончательно погублена, то поездка с незнакомцем поздним вечером, вероятно, довершит дело.

И в то же время мне наплевать. Здесь нет осуждающих взглядов или перешептываний за спиной о том, как же низко пала моя семья, или разговоров о поруганной чести. Только свобода.

Если Фрэнк последовал за мной, ему не так-то просто будет меня отыскать.

Я глубоко вдыхаю океанский воздух.

– Приехали, – говорит Сэм, въезжая на стоянку.

В темноте не понять, оправдывает ли гостиница «Восход» свое название и гарантирует ли потрясающий вид на океан, но она довольно чистая внутри и не слишком дорогая для моего тощего кошелька. Деньги, которые я сэкономила на железнодорожном билете, отправившись с Сэмом, мне очень пригодятся.

Я так давно прозябаю в нищете – на протяжении шести лет после Великого краха, когда все пошло наперекосяк, – что совсем забыла, каково это – не переживать из-за подоб-

ных пустяков и, не моргнув глазом, останавливаться в самых шикарных отелях. Удивительно, насколько стремительно все может измениться. Жизнь движется по одной траектории, и вдруг практически без предупреждения ты оказываешься на совершенно другой, абсолютно неготовая к грядущим переменам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.